

АЛИСА АЛЬТА

A.S.Y.L.U.M: пражские игры

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Алиса Альта

**A.S.Y.L.U.M: пражские игры.
Приключения продолжаются**

«Издательские решения»

Альта А.

А.S.Y.L.U.M: пражские игры. Приключения продолжаются /
А. Альта — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934534-9

Предположим, некий байронический герой захочет лишить мир интернета. Не сочтите его сумасшедшим: наш аристократ живёт в мире, где говорить сложносочинёнными предложениями могут лишь крайне образованные люди, отказ от покупки модных товаров приравнивается к уголовному преступлению, а моногамия считается чем-то вроде старомодного извращения. Детективные игры, страшные тайны, подводные камни человеческой психики — вовсе не главное в этой антиутопии. Главное — что конец немного предсказуем...

ISBN 978-5-44-934534-9

© Альта А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1, в которой пражская весна так и не согрела одно чёрствое сердце	6
Глава 2, в которой старое сознание обретает новую форму	9
Глава 3, в которой амнезия вступает в схватку с аристократией	11
Глава 4, в которой надо кого-то найти	15
Глава 5, в которой происходит самоубийственно долгий разговор	17
Глава 6, в которой девушка демонстрирует трофеи	25
Глава 7, в которой мы прекращаем описывать то, что ждёт читателя в следующей главе	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	37
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	49
Глава 15	50
Глава 16	52
Глава 17	54
Глава 18	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

А.S.Y.L.U.M: пражские игры Приключения продолжаются

Алиса Альта

© Алиса Альта, 2019

ISBN 978-5-4493-4534-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В предыдущих сериях: странный профессор предлагает Паше, Славе и Серафиме протестировать инопланетный прибор асулум, с помощью которого можно переноситься в любую точку времени и пространства, просачиваться в художественные произведения и перевоплощаться в их героев. Паша и Слава оказываются в карикатурной версии США, однако ситуация выходит из-под контроля. Парни исчезают из вида, Серафима бьётся в истерике, а профессор обещает исправить ситуацию...

Впрочем, если вы не читали первые две повести, всё будет понятно и так.

- 9 колесо – -14° .
- 8 колесо – 77° .
- 7 колесо – $257^\circ+44^\circ$.
- 6 колесо – 0° .
- 5 колесо – 0° .
- 4 колесо – $0,0023^\circ$.
- 3 колесо – 15° .
- 2 колесо – 0° .
- 1 колесо – 0° .

Глава 1, в которой пражская весна так и не согрела одно чёрствое сердце

Эта весна в Праге выдалась особенно удачной. Мягкий солнечный свет словно струился сквозь стены, заполняя собой каждый дюйм пространства и тихо оживляя всё вокруг. И озорные стрижи, щебетавшие на остроконечных шпилях домов, и начинавшие распускаться почки-младенцы, и невозмутимые ручейки, медленной сетью опутывавшие город, соединялись в одну гармоничную симфонию, незримой музыкой разносившуюся по Праге, которая по праву считается пристанищем всех наделённых живым умом и неиссякаемой фантазией душ. Сердца людей, казалось, становились мягче от широкой солнечной улыбки, и если бы какой-нибудь поэт-оптимист перенёлся сюда мысленным взором, то непременно провозгласил бы, что грядёт эра очищения человечества. Даже попрошайка Баранка, сидевшая на углу Карловой и Кризовницкой, не могла делать вид, что жизнь её полна горестей и волнений, и блаженно жмурилась, подставляя лицо благотворному мартовскому солнцу. Белый котёнок, резвившийся у её ног, был только рад этой неожиданной перемене в характере хозяйки. В её лице он надеялся заполучить верного товарища по играм, а не строгую укротительницу тигров.

Однако все эти прелести, щедро отсыпаемые рукой богини Природы, мало радовали человека, стоявшего прямо напротив харизматичной нишенки. Напрасно расточала Деметра свои благодеяния: есть сердца столь чёрствые, что процесс подношения даров неминуемо превращают в унижение. Имел ли он на это право? Отличался ли этот мужчина хоть какими-нибудь достоинствами, чтобы отвергать такого рода милости? Давайте приблизим нашу лупу к его оболочке и беспристрастно рассмотрим наружность незнакомца.

Это был мужчина лет двадцати семи, одетый просто, хотя и не без некоторого изящества, говорившего о тщательном планировании подобных мероприятий. Создатель, видимо, замыслил сотворить этого человека красавцем, но почему-то передумал и кинул начатое на полпути. Лицо его имело несколько хищный, волчий вид за счёт резко выделяющихся скул, чуть вздёрнутого носа и острого подбородка. Глаза же, широко поставленные, с чуть выпирающими надбровными дугами, внушали странное беспокойство каждому, кто осмеливался в них погрузиться. Казалось, в этом мутно-голубом болоте завязли наилучшие начинания и благородные устремления. Временами его взгляд, подобный которому мы часто встречаем у собак породы хаски, делался столь пронзителен и вызывающ, что одновременно внушал и благоговение, и ужас. Будь мужчина не блондином, а брюнетом с перчинкой в крови, его вид заставлял бы верить, что он является отменным донжуаном, а то и вовсе бандитом с большой дороги. Пока же несколько беспомощный облик этого человека вселял в прохожих смесь уважения, сочувствия и назойливого любопытства.

Кризовницкую улицу, которую мужчина выбрал в качестве своего временного пристанища, можно назвать одной из самых милых в Праге. Только здесь, в кафе «Южный закат», дом 17, изготавливают турецкий кофе по рецепту самого Дениз-паши, выпитому у османского вельможи при осаде Вены в XVI веке. Ходили слухи, что пирожки в соседней кондитерской «Роген Моген» производили целебный эффект: некоторые посетители видели вещие сны после съедания трёх порций кряду. А в кофейне «Фриц», что как раз через дорогу от четырнадцатого дома, каждого входящего шлёпали по интересному месту бейсбольной битой, забытой Бураком Омамой во время посещения чешской столицы. Впрочем, если начать рассказывать историю каждого злачного места в Праге, не хватит страниц этой книги. Именно поэтому попрошайку Баранку так удивляло то, что молодой человек не горит желанием посетить ни одно из этих увлекательных мест. Малыш котёнок недоумевал не меньше.

Мужчина стоял на углу улицы, опираясь на стену дома, в котором, несомненно, когда-то жил и творил необычайный Франц Кафка. Руки незнакомца были небрежно засунуты в карманы, а голова сонно склонилась на грудь. Складку между бровями, выдававшую привычку подолгу размышлять, не могли разогнать даже весёлые мартовские лучи, а в глазах сквозила пустота, перемешанная с отчаянием. Кто знал, о чём думал человек, смотревшийся на этом празднике жизни так же нелепо, как ворона в театре-варьете? Мы не знаем. Посланцы звезды, что зовётся Солнцем, скользили по этой ледяной оболочке, ни на миг не сумев осветить душу, под ней скрытую.

Из-за угла вынырнул разносчик пончиков, одетый наподобие городского шута XV века.

– Е? – спросил он.

– Что, простите? – отвлёкся от тяжких дум молодой человек.

– Е бу? – настойчиво повторил странный продавец, показывая на пончик.

– Благодарю, но на данный момент я не нуждаюсь в пище.

– Дай, чел, дай, моня, деньга, дай, дай, пож, – заверещала Баранка.

Котёнок жалобно замыкал. По его смыслённым глазкам было видно, что он подсказал бы хозяйке массу убедительных доводов, если бы мог. На секунду мужчину как будто перекосило от приступа тошноты, и он поспешил скрыться в уютную обитель кафе «Мойра».

Проникнув в холодный полумрак отделанного кедром зала, он первым делом направился к барной стойке. Приветливая официантка сразу же ринулась налаживать контакт.

– Здра, е буд?

– Милая пани, – с огромной мукой проговорил посетитель, – у вас не найдётся холодной воды из артезианского источника?

– Ща мин, – ответила девушка.

Через минуту она появилась с небольшим графинчиком в руке, сияя, как новоизобретённая лампочка Эдисона. Молодой человек медленно присел за стол, при этом ноги его как будто подкосились, а широко растопыренные ладони разом приняли на себя вес щуплого тела.

Мужчина начал медленно потягивать воду из графина, закусывая её появившимся из внутреннего кармана пальто лимоном. Девушка стояла неподалёку, жадно ловя глазами каждое движение беспокойных челюстей. Внезапно у неё обнаружилась масса дел, так что она стала мельтешить по пустому залу, ежеминутно выставляя на обзор незадачливого посетителя самые лакомые части едва прикрытого тела. Через пятнадцать минут застёжка её туфли закатилась как раз под стол молодого человека, так что ей пришлось стать на четвереньки и самым наглым образом вторгнуться в его одиночество. Поелозив под столом некоторое время, она вылезла обратно на свет божий и, глубоко дыша, села на соседний стул.

– Клара, – радостно сообщила официантка. – Вы?

– Джозеф, – обречённо возразил мужчина.

– Дела? – поинтересовалась она.

– Лучше некуда, – вздохнул посетитель.

– Секс?

– Извините, но я вынужден отказаться. Видите ли, сегодня Сатурн стоит в оппозиции к Венере, так что мои любовные соки слегка иссякли.

Клара не боялась трудных задач и чихать хотела на всякие позиции и оппозиции, кроме естественно-природных.

– Ты плюс. Смотри, – сообразила она и сделала ход конём, а именно расстегнула блузку.

Глаза молодого человека, блеснувшие, надо признать, через секунду стали походить на стальной клинок, бессердечно брошенный на поле брани.

– Можно ли вызвать у вас экскурсовода, моя дорогая Талия?

Клара беспомощно поморгала секунд пять, пытаясь понять вопрос, затем с гордостью пощупала себя за талию и сделала жест молодому пареньку, стоявшему у кассы. Мягкотелый

метис нажал на определённую кнопку, и через десять минут экскурсовод появился на пороге кошмарного кафе. Это был мужчина лет сорока пяти, приятной наружности, одетый в дорогое пальто из чистого кашемира. Кубинская сигара и очки в золотой оправе были призваны укрепить собеседника в мысли, что перед ним находится человек интеллигентный.

– Здравствуйтесь, – с трудом выговорил он. – Вы идти с я?

– Да, – чуть более жизнеутверждающе ответил Джозеф.

Во время прогулки по грандиозному историческому центру Праги настроение молодого человека слегка приподнялось. Гид, как мог, рассказывал ему об удивительном прошлом своего города, о гордых королях и отважных предателях, о дерзких заговорах и смятых судьбах, об упорстве веры и нестигаемости человеческого духа.

– Это ратуша. Четырнадцать век. Один четыре один девять – гуситы выкидывать из окон.

– Вы говорите о первой пражской дефенестрации? – оживился Джозеф.

– Да. Гуситы в беспорядках и попали в тюрьму. Гуситы требуют освобождать и пошли в ратушу. Камень попасть в Святые дары. Толпа угораздила в ратушу. Выкинут судью, бургомистр и других. На мостовой толпа их добивала, – охотно объяснял гид, старательно подбирая слова и тщательно смакуя каждый звук, словно ему справляться с жилистым стейком во рту.

– Как вы думаете, почему феномен дефенестрации не получил широкого распространения в Западной Европе?

Экскурсовод на секунду замешкался. Светлая идея озарила его голову. Мужчина поднёс руку к глазам, провёл пальцем по запястью, и тут же перед ним появился небольшой экранчик голубоватого цвета. Слегка дунув на него носом, он получил перевод непонятого слова.

– Да, – важно объяснил он. – Феноумен нет в Западный Европа такой. Потому что не принято.

– Понятно, – грустно вздохнул Джозеф, чуть поникнув головой.

Плечи его ссутулились, а в глазах окончательно потухла искорка радостного настроения. Невысказанная мысль, казалось, острой костью застряла у него в горле.

– Пожалуй, я пойду, – добавил он. – Что-то мне нездоровится. Видимо, к НЛЮ. Их корабли вечно вызывают у меня снижение давления.

– Вы не хотите посмотреть ещё? Пражский Град, Собор Святого Вита?

Искреннее разочарование этого человека, так любившего свой город, тронуло Джозефа. Было видно, что гид озадачен не столько потерей крупных чаевых, сколько упущенной возможностью поговорить по душам с приглянувшимся собеседником, который так много упустит из блистательного прошлого Праги. Однако у его спутника было доброе сердце.

– Только если Собор Святого Вита. И при одном условии: прошу вас, помолчите минут двадцать.

Первые десять минут экскурсовод так и норовил открыть рот и указать на особенности того или иного строения. Очевидно, лишь данное честное слово не позволяло ему нарушить обещание. Впрочем, позже он совершенно успокоился. Джозеф взял его запястье, вызвал голубой экранчик и получил возможность считывать основную информацию при одном взгляде на здание. Через полчаса, когда плотина словесности гида всё-таки прорвалась и на клиента хлынул поток сведений, приправленных ужимками и неким подобием танца, которыми пражский чичероне привык оживлять свою речь, незнакомец мог только рассеянно улыбаться и пытаться изображать искренний интерес. Его встревоженный взгляд был прикован к пёстрой праздной толпе, авантажно передвигавшейся по мостовой. Тепло попрощавшись с гидом и сунув ему тройные чаевые, Джозеф отчалил восвояси.

Глава 2, в которой старое сознание обретает новую форму

Прийти в себя оказалось непросто: голова трещала, конечности были как будто ватные, а по всему телу то и дело пробегали лёгкие покалывания. Она внимательно осмотрела свои руки: изящная форма ладоней, вытянутые пальцы, бледная кожа с едва просвечивающимися ручейками вен.

«Это что-то новенькое», – подумала она про себя, сжимая виски ладонями. Непослушная голова так и норовила укатиться куда подальше.

Окончательно опомнилась лишь тогда, когда ноги сами занесли её в просторный кабинет, выходявший окнами на реку. Первым делом она заглянула в овальное зеркало, висевшее слева от входной двери. Там отражалась брюнетка лет двадцати пяти, чьё классическое, словно вылепленное древнегреческим скульптором лицо навевало мысли о ясном уме и трезвой рассудительности.

«Неплохо для начала», – подумала новоприбывшая и с удивлением обнаружила, что мысли отражались под пустым сводом черепа гулким эхом, словно это и не она думает. Голова соображала очень плохо, будто с похмелья.

– А, наконец-то! Я-то было подумала, что ты хочешь соскочить.

Девушка только сейчас обратила внимание на миниатюрную блондинку лет тридцати, чей стол занимал половину комнаты.

– — Нет, ну что вы, – пробормотала она в ответ, с неудовольствием отмечая новый, серый цвет глаз. Да и смотрели эти глаза как-то не очень приветливо: холодно и вместе с тем вызывающе.

– Значит, слушай. Вот тебе билет на поезд. Сходишь на остановке «Крыживница». Запомнила? Отлично. Только обязательно там выйди, потому что дальше уже Германия. Это километров сто-сто пятьдесят от Праги, доедешь минут за двадцать. Потом становишься к станции спиной и чешешь прямо в заросли. Да, там лес, труднопроходимый причём, но так быстрее всего. Идти километров восемь, потом уже начинается приграничная застава. Высокая такая стена, этажа с три. В принципе, если идти ровно и прямо, то выйдешь как раз на форпост. Хотя если упрёшься носом в стену – не пугайся. Она равномерно окружает замок с прилегающими территориями, то есть рано или поздно выйдешь, куда надо, главное – направление понять.

– Угу, – не нашла, что ответить, собеседница, периодически встряхивавшая руки и ноги.

– Далее. Когда выйдешь к главным воротам, увидишь две башенки по бокам, там сидят охранники. Не бойся, герцог держит у себя людей исключительно образованных и платит им баснословные деньги, так что можешь говорить, как обычно. Дашь им эту бумагу, они тебя пропустят. Скорее всего, посадят в какую-нибудь повозку, а там ехать непосредственно до замка километров пятнадцать, вот и считай.

– Ага.

– Ну а дальше всё от тебя зависит. Хотелось бы, конечно, чтобы он тебя принял. Но даже если и не примет – обшарь глазами гостиную, своруй что-нибудь из прихожей – сама понимаешь.

– Понимаю, – сумбурно ответила девушка, не имевшая ни малейшего представления о том, куда ей ехать и зачем.

– Давай, держись! – подмигнула блондинка напоследок.

Посетительница застыла на месте.

– Я хотела бы уточнить... В чём именно заключается моё задание? Освежить в памяти, так сказать. Всегда полезно напомнить себе самые важные детали.

– Да ты что, издеваешься надо мной? – грозно спросила начальница. – Давай, выметайся. Удачи.

Девушка обречённо повернулась на пятках, как вдруг ударилась лбом о резко распахнутую дверь. В кабинет вошёл представительный мужчина лет тридцати пяти, и во всей его манере держаться сквозило высокомерие человека, наделённого большой властью и обделённого при этом сколь-нибудь значимыми талантами.

– Мистер Биллз! – благоговейно затрепетала блондинка.

– Да, Элен. Любить преподносить приятный сюрпы, – с пониманием откликнулся тот.

– Вы с проверкой? Сейчас я подготовлю всё необходимое.

Элен искоса посмотрела на свою коллегу, намекая, что пора бы и честь знать.

– Здра... Здравствуйте, – неуверенно протянула та руку.

– Как имя? – недоумевающее спросила очень важная персона.

– Очень приятно с вами познакомиться, – с дурацкой улыбкой ответила пришелица, тряся гостя за руку.

– Не обращайтесь внимания, у неё важное задание, вот и нервничает, – попыталась загладить неловкость Элен.

– Какое оно?

– Это касается печально известного вам Джозефа цу Гундер-Балленштайна, великого герцога Эгерийского. Я, как вы видите, выдала ей билеты на поезд. Думаю, часа в три она будет восседать в Адуане.

– Мой дорогой Элен Аримат. Зачем поезд? Я дам вертолёт.

– Видите ли, уважаемый мистер Биллз, вы, как человек, занятый важными государственными делами, могли и забыть тот факт, что Великое герцогство Эгерия находится в аномальной зоне, где невозможна работа любых электрических приборов. Эта и многие другие причины, как вы прекрасно осведомлены, послужили одной из причин, по которой герцогство не вошло в состав Германской империи, а также сохранило автономию в империи Габсбургов. Я помню, вы сами рассказывали мне, что в пределах герцогства передвигаются только на лошадях, а с форпоста в замок докладывают о приезжих с помощью оптического телеграфа. Мне тогда особенно понравился тот факт, что для того чтобы послать смс-сообщение, специальный человек должен бежать к станции железнодорожных поездов.

– Да, да, – довольно добавил собеседник. – Удачи. Это очень, очень важно. Отвечаете за дело с помощью голова.

Приободрив таким образом ничего не соображающую девушку, чиновник ласково выпихнул её за дверь. Из его кошелька выпала причудливая визитка, где на папирусе было написано: «Петр Биллз, министр защиты информации Соединённых Штатов Европы».

Глава 3, в которой амнезия вступает в схватку с аристократией

Когда часовой, высматривающий в подзорную трубу приближение хозяина, издал крик, схожий с воплем гагары, жизнь на форпосте закипела ключом. Охранники, основная часть забот которых заключалась в том, как бы не соскучиться во время карточных игр, повскакивали со своих мест: кто-то кинулся отворять массивные железные ворота, кто-то начал докладывать в замок о прибытии хозяина.

– Как самочувствие, ваше высочество? – участливо спросил старшина охраны, заглядывая в подъезжающую карету.

Ноги Джозефа были укутаны красным клетчатым пледом, а руки обессилено покоились на коленях.

– Как всегда, – резко ответил он. – Телеграфируй в замок. Пусть приготовят горячую ванну и сварят кофе по-турецки.

Через полчаса карета подъехала к замку, вызвав шумиху среди слуг, ожидавших появления хозяина гораздо позже. Джозеф ничего не ответил горничной Лиззи, жалобно пролепетавшей, что ванна будет готова через час, а только молча прошёл в свой кабинет.

Когда Йохан Старк (парадоксальным образом сочетающий обязанности и дворецкого, и управляющего замком) осторожно зашёл навестить хозяина, то застал его в достаточно привычной позе. Локти молодого помещика жалобно опирались на стол, а голова покоилась на широко расставленных ладонях.

– Вас что-нибудь беспокоит, мессир?

– Да. Уже двадцать восьмой год как беспокоит. Ты же знаешь, – устало ответил он.

– Я думал, небольшая прогулка пойдёт вам на пользу...

– «Чудесная погода». «Славный денёк». «Развейтесь», – так говорил мне ты.

– Прошу извинить меня, ваше высочество!

Старк, хорошо знавший хозяина, тотчас же определил, что в Джозефе медленно закипает ярость.

– Сколько раз я говорил тебе, что самая расчудесная погода не сделает денёк славным, пока по улицам ходят *эти толпы*. Последние люди нашли своё счастье, а что делать нам, предпоследним?

– Но ведь Прага прекрасна... – жалобно протянул управляющий. Его крепкая фигурка с небольшой лысиной и седыми висками выражала полное сочувствие.

– Веков пять назад – быть может, не отрицаю. Хотел бы я быть самым простым свинопасом тогда! Но видеть, как этот прекрасный город медленно зарастает тиной духовного тупоумия? Сейчас, когда массовое, усреднённое сознание возведено в культ, когда ему поклоняются, его обслуживают, ему поют дифирамбы. Зачем нам напрягаться и стремиться к высшему? Зачем растить дивные плоды в саду своей души? Все силы мирового искусства и маркетинга – этой мерзкой клоаки продажных душонок – брошены на то, чтобы ублажать посредственную и скудоумную часть нашего человечества.

– Люди всегда одни и те же. Пять веков назад вы бы увидели точно такую же картину, мессир... Я надеюсь, когда-нибудь в сердце вашего высочества поселится любовь к простым людям, которые, в отличие от персон, избранных фортуной, вынуждены работать. Чего им, усталым, хочется? Добра и веселья, чтобы подзарядиться. Либо ужасов, которые откачают из них излишки застойного счастья. Право же, мир идей настолько велик, что всегда найдётся что-нибудь не такое популярное, но, безусловно, интересное и для Вас.

Старк сам не знал, откуда в нём проснулся бунтарский настрой и почему он вдруг стал возражать хозяину. Где-то в глубине души жила надежда, что тот отвлечётся от дурных мыслей.

– Ты же знаешь, что я считаю по этому поводу и почему задумал решиться на такое дело. Плевать я хотел на этих милых респектабельных людей. И как у тебя язык поворачивается спорить со мной!

Дворецкий с привычной ловкостью уклонился от летящего канделябра, который легко мог бы размозжить ему голову.

– У вас опять начинается приступ, мессир, – заботливо сказал Йохан, задёргивая шторы. – Хотелось бы несколько приободрить ваше высочество, напомнив, что Ницше считал...

– Как болит голова!.. – поморщился Джозеф, сдавливая виски. – Я очень рад тому, что Ницше уже ничего и никогда не посчитает. Если бы этот великий калькулятор жил в нашу эпоху, то решил бы, что умер не только Бог. Культура подохла в смрадной канализации, гениальность захлебнулась в собственном соку, а достоинство досрочно ушло в отставку, чтобы станцевать канкан на похоронах доблести. Впрочем, тебе недолго осталось терпеть мой дурной нрав, любезнейший Старк. Скоро великий герцог Эгерийский составит компанию вышеупомянутым добродетелям. Надеюсь, ты не высадишь на моей могиле розы? Это выдавало бы в тебе дурновкусие, в котором я, в запале неистовой параноидальности, иногда подозреваю даже тебя, мой дорогой Хрюн.

– Ах, мессир, довольно, не начинайте! – участливо вскричал управляющий. Старк опекал хозяина с материнской нежностью, и ему больно было слышать, как тот наносит себе удары незримым хлыстом самобичевания.

– К вам посетительница, ваше высочество, – доложила Лиззи, с трудом осмелившаяся войти в кабинет. Слуги знали, что когда у хозяина начинается приступ, его лучше не беспокоить.

– Пускай убирается ко всем чертям.

– Но она ждёт уже три часа, мессир...

– Пускай убирается ко всем чертям трижды.

– Мессир, откуда вы знаете, что уготовало Вам провидение? Быть может, оно послало своего ангела, чтобы смягчить Ваш путь, – принялся уверять хозяина Старк, всеми средствами пытавшийся расширить точки сцепления аристократа с окружающим миром.

– Ладно, Хрюн. Но если она хотя бы на секунду потревожит мой покой какой-нибудь ерундой, я устрою тебе публичную порку возле старой конюшни.

– Как скажете, ваше высочество.

– Кто она?

Дворецкий взял с подноса горничной строгую визитную карточку и подал её великому герцогу. Она гласила: «Министерство информации Соединённых Штатов Европы. Департамент защиты информации. Управление по мониторингу потенциально опасных ситуаций. Отдел интернет-безопасности. Подотдел особых случаев».

– Понятно, – встрепенулся Джозеф, отложив папирусную визитку в сторону. – Зачем только стоило скрывать своё имя на карточке, этом картонном щите, который прикрывает жалкую плоть бронёй социального успеха, то есть высшей глупостью, доступной человечеству?

– Возможно, визитка ей не принадлежит?

– Я начинаю ощущать на своих щеках лёгкое дыхание логики абсурда. Карточки, которые не представляют, экскурсоводы, которых следовало бы выкинуть из окна вместо бургомистров. Так мы дойдём до парламента, принимающего разумные законы. Ладно, введи её.

Через пятнадцать минут на пороге торжественного, оформленного в викторианском стиле кабинета появилась уже знакомая нам девушка. Джозеф, важно восседающий на бархат-

ном кресле, осмотрел её несколько скептически, а затем сделал повелительный жест, предписывающий гостье сесть напротив.

– День добрый, – начал помещик в очень неприятном тоне.

– Добрый, – неуверенно ответила визитёрша и замялась в дверях, не поняв его указания.

– Однако что-то мы с вами заболтались. Не соблаговолите ли вы сообщить цель своего пребывания в моём имении? Как именно вы хотите отравить мне жизнь?

– Никак именно, ваше королевское высочество! – испугалась бедняжка.

– Прошу вас, не надо ставить меня в один ряд с теми высокомерными аристократами, которые горделиво задрали нос и превратились в бронзовый памятник при жизни. Я максимально прост в общении и развёрнут лицом к нуждам простого народа. Можете звать меня просто, по-свойски: «ваше высочество». Не будем терять время на церемонии, приступим к исцеляющей беседе.

– М-да. Отличный план, ваша вашесть. Ой, извините, ваша светлость.

– Моя простота и открытость вовсе не означает, что Вам позволено садиться мне на шею и начинать фамильярничать, – холодно ответил Джозеф.

– Простите, ради всего святого, – стушевалась посетительница, всё-таки догадавшись сесть в кресло.

– Итак... – начал великий герцог не без внутреннего трепета. – В чём причина такого интереса к моей персоне со стороны молодой и не самой безобразной девушки? Вы намерены просить меня проспонсировать голодающих детей Поволжья?

Внезапно брюнетка преобразилась, будто перед ней распахнулась дверь в иной мир и повеяло дыханием потусторонней жизни. Осанка её выпрямилась, в глазах появился стальной блеск, черты лица заострились и приобрели новое, пронзительное и умное выражение.

– Я ищу фотографии. Они находятся в тайнике вашей гостиной.

– Что? – опешил помещик. – Однако меня не предупредили, что Министерство информации успешно инкорпорировалось в бирмингемский цирк.

– Простите? – переспросила она.

Потустороннее влияние словно оставило незнакомку; выражение её глаз изменилось, девушка как будто потухла и снова выглядела нелепо и растерянно.

– Подскажите, фотографии какого рода вы намереваетесь искать в этом замке? Вряд ли вы настолько восхищены моей скромной персоной, что пришли сюда заполучить мой портрет с автографом. Впрочем, если я не прав – не отказывайте себе в этом удовольствии.

– Я не совсем понимаю, какие фотографии ваше высочество имеет в виду.

– Нет, это в высшей степени прекрасно. Шпионов с лунатизмом мне ещё не доводилось наблюдать. Хвала европейской бюрократии – за наше будущее я спокоен.

– Если бы ваше высочество соизволили выражаться поконкретнее, – тихо кашлянула в кулак посетительница, – наш разговор складывался бы куда продуктивнее.

– Скажите, вы случайно не любите Кафку? – спросил помещик, лукаво поблёскивая глазами. – Извините мою бестактность, но я полагаю, что от людей, которые любят Кафку, следует держаться подальше. Мало ли что.

– Кто же не любит Кафку, – икнула девушка. – Все не любят Кафку... и я. И я!

– И я того же мнения. Вы так моргаете, словно нашли счастье. Я вам завидую, честное слово.

Посетительница замешкалась и не нашла, что ответить. Джозеф натянуто кашлянул и как-то внутренне собрался.

– Итак? – более властным тоном повторил помещик.

– Какая прекрасная погода, не правда ли? – замялась девушка, сложив руки на коленях.

– Неправда. Я, знаете ли, не сторонник пустых разговоров. К тому же меня ждёт ванна. Что вы имеете мне сообщить? Давайте, о моё конформистское чудо, я знаю всё наперёд.

– Повезло же вам, – еле слышно пробормотала собеседница. – А что ваша... ваше высочество желает мне возразить? Раз уж Вы и сами всё знаете, так я свою речь опущу. Приступайте к возражениям.

Великий герцог откинулся в кресле, скрестил руки на груди, и глаза его опасно блеснули.

– Может, вы перестанете держать меня за идиота? Я предупреждаю, такие игры обычно плохо заканчиваются. Сегодня моё высочество находится в крайне дурном расположении духа.

– Ну что вы, не думайте обо мне таким образом! – расстроено вскочила с места посетительница. – Дело в том – как бы вам сказать – я ведь не совсем знаю, зачем меня направили. Это секретное задание, мне самой не сказали.

Джозеф потянулся за колокольчиком, и лицо его выражало самые страшные намерения.

– То есть, мне, конечно, сказали, я не это имела в виду, – сразу же опомнилась девушка. – Просто я забыла по дороге. Да, пока я шла по лесу, споткнулась и сильно ударилась лбом. И поэтому у меня временная амнезия, вот.

Помещик слегка наклонил голову направо, словно учёный, изучающий редкий зоологический образец.

– Я не знаю, что за игру вы ведёте. У вас там, в министерстве, совсем нечем заняться, и вы создали отдел по издевательствам над честными людьми. Так или иначе, вы непонятны мне, а потому опасны. Думаю, карцер несколько освежит вашу память.

– Нет! – попятилась к двери посетительница. – Вы меня неправильно поняли, ваше высочество.

– Разумеется. Я вообще плохо понимаю подрастающее поколение. Министерство тщательно выверяет каждый свой шаг, они могли предполагать, что человек из Адуана может и не вернуться. Так что потеря для них, думаю, невелика. С другой стороны, если вас как следует попытать, я узнаю актуальную информацию о жизни вашего клоповника из первых уст. Вот видите, какая выгодная во всех отношениях ситуация.

Он позвонил в колокольчик, и девушка со всей дури рванула дверь кабинета и помчалась по извилистым коридорам замка, сметая всё на своём пути. Через некоторое время в кабинет зашёл удивлённый Старк, которого беглянка чуть не впечатала в стену.

– Что это было, ваше высочество?

– Оставь её, – апатично махнул рукой Джозеф. – Она показалась мне искренне испуганной. Я не знаю, что там замышляют эти министерские крысы, – они, видимо, окончательно тронулись умом от страха – но эта девчушка вряд ли может причинить мне вред. Пускай спокойно добежит до коляски, а там её вежливо выдворят за пределы Адуана.

Глава 4, в которой надо кого-то найти

– Рассказывай, как всё прошло, – с нетерпением начала Элен, встретив перебежчицу вечером в том же кабинете, где и начиналось наше повествование.

– Самым лучшим образом, – сосредоточенно ответила та, с серьёзным видом усаживаясь на стул.

– Тебе много удалось узнать? Ты вызвала его на разговор касательно Петры? Он знает что-нибудь про план «Двойная птица»? А как насчёт вещей?

– Видишь ли, информация, полученная от великого герцога, столь неожиданна и вместе с тем так важна, что мне сложно выбрать, с чего начать свой рассказ. Её так много, что я боюсь потерять нить разговора. Нет, дай мне три дня. За это время я как следует проанализирую данные и сообщу тебе готовый результат.

– Что за дурацкие выкрутасы! – вспыхнула начальница. – Выкладывай давай.

– У меня в голове так много замечаний, мыслей и возражений, что я, рассказывая тебе всё сейчас, по свежим следам, обязательно что-нибудь запамтую. Кроме того, находясь под впечатлением от поездки, я могу неправильно сложить в голове логические цепочки. Нет, тут следует всё хорошенько обдумать.

– Ладно, – несколько удивлённо ответила Элен. – Но смотри, если через три дня у меня не будет ни одного полезного факта, не сносить тебе головы. С интернетом шутки плохи.

– Какие вы злые все, – пробурчала девушка. – Только запугивать и угрожать умеете. Ты не могла бы выделить человека, который проводил бы меня домой? Я ведь сейчас так поглощена своими мыслями, что могу и заблудиться.

И её действительно проводили: доехав до станции метро «Вышеград» и доставив ценный груз до калитки дома №7 на улице Na Виџансе, упитанный малазиец откланялся и пошёл восвояси.

«Недурно. Кое-кому из моей предыдущей жизни определённо понравилось бы», – подумала девушка, с удивлением разглядывая этот дом, походивший на слоёный торт. Небольшой трёхэтажный коттедж венчала изысканно-вычурная крыша с двумя выпуклыми башенками, как будто этот недотёпа претендовал на славу древних замков.

Тяжело ступая от усталости, она вошла в гостиную и кинулась на первый попавшийся диван. Ничего не оставалось делать, как припоминать все подробности встречи с великим герцогом и стараться выжать из них хоть что-нибудь. Девушка с ужасом представляла себе момент, как на важное собрание, где соберутся все видные представители министерства, вызовут её, ничего не знающую и уже успевшую пообещать золотые горы, и попросят отчитаться о результатах работы.

«Мне же нужно найти их», – пробежал по спине холодок; эта мысль, подзабытая из-за острых ощущений, возникавших при вливании в новую реальность, всё же не дремала.

«В Праге где-то один-два миллиона человек. Как же мне вычислить их?», – лениво тянулись мысли. Голова напоминала сломанные часы, шестерёнки которых отчаянно не хотели крутиться.

«Они могут выглядеть как угодно. Мне остаётся только подмечать в окружающих сходство характеров, речевые особенности, склад ума... Следить, не скользит ли осознанность в речи. Чёрт, почему так тянет курить? Откуда? Никогда такого не было... А вдруг они полностью включены?».

Она начала перечислять в памяти всех людей, с которыми успела познакомиться. Ничего не ёкнуло у неё внутри: ни сходств, ни чувства узнавания, ни какой-то особенной близости девушка не припоминала.

«Ладно, выработаем тактику и стратегию позже», – подумала брюнетка некоторое время спустя. – «А пока мне стоит подумать о том, чтобы хорошо обустроиться в реальности. Только так я смогу без помех вести свои поиски».

Девушка беспокойно ворочалась с боку на бок, припоминая все события дня. Однако чем больше она думала о герцоге, о загадочном Адуане и своём невыполненном задании, тем быстрее испарялась мысль о том, что ей нужно кого-то надо искать, тем меньше вспоминала она о некоторых странностях Праги, поразивших её воображение, тем заметнее ныла лишённая табака часть организма и тем ощутимее тело накрывала тяжёлая дрёма.

Глава 5, в которой происходит самоубийственно долгий разговор

Великий герцог ждал поездку в Вену, как прокажённый жаждет исцеляющий бальзам, который смягчит коросту его струпьев, как нищий, мечтающий найти приют в доме, обогреваемом мягким светом гостеприимства. Город этот ещё успел настолько опошлиться, как большинство европейских столиц, но всё же Джозеф не ощутил того полёта души, когда ей под силу свернуть горы, а мир вокруг кажется уютно-родным и наполненным смыслом. Его не покидало тягостное ощущение суррогата, какое испытываешь от поддельного вина или от встречи с человеком, которого любил много лет назад. Клеймо «недо», стоявшее, казалось, на всём, что он видел в блистательной некогда столице, впускало в невидимое хранилище его души какой-то холодный ветер.

Вернувшись из Вены, он прильнул к дивану, покрытому восточными узорами, затерялся среди пёстрых подушек и лежал, не произнося ни слова, дня два. На третий Старк принёс на подносе записку, на которой жирной гелевой ручкой было нарисовано нечто, напоминающее танец пьяных улиток.

– Что это? – удивлённо спросил Джозеф, чуть приподнимаясь с дивана.

– Это пан Бенеш, мессир. По поводу поставок утки, помните? Я сказал, что вы никого не принимаете, и попросил кратко изложить суть дела. Он пришёл в совершеннейший ужас. Я думаю, когда-то он хорошо учился, поэтому мог бы вспомнить, как печатать слова на клавиатуре. Но писать на бумаге?.. Это однозначно выше его сил. Он держал ручку, как тот папуас, которого вы подарили пану Клаусу на Рождество, пытал ключку для гольфа. Его пальцы постоянно делали мелкие нервные движения, что напоминало мне причудливый танец китайской иероглифики. При всём этом безобразии присутствовал Франсуа, наш новичок. Он ещё не забыл язык BRIS.

«Каждое движение пальцев вызывало бы определённую подсказку на экране планшета», – прошептал он мне. – «Я сейчас попробую прочесть, что он хочет написать. Хочу... говорить... вам... жир...».

Джозефа, казалось, эта ситуация даже забавляла. Он плотоядно причмокнул и ответил:

– Я не приму его до тех пор, пока он не напишет мне красивый развёрнутый ответ на бумаге. Назначь Франсуа ему в помощники, пускай подтянет его, но не сильно. Учти, я устрою ему небольшое испытание у себя в кабинете, и если обнаружится, что помощь Франсуа в составлении документа значительно превзошла пределы разумного, я отрублю ему что-нибудь из конечностей.

– Но ведь если через три дня пан Бенеш не поставит утку в Берлин, его же казнят, ваше высочество!

– Вот именно. Что у тебя там ещё?

– Та странная девушка опять пришла, мессир.

– Ты меня понимаешь, я надеюсь? – сказал помещик, бросая на Старка тяжёлый взгляд, сковавший того неразрывными путами долга.

– Уже сделано, ваше высочество, – тяжело вздохнул дворецкий.

– Увы, мой милый, перестраховаться никогда не помешает. А то что-то эти министерские тараканы ко мне зачастили. Того и гляди, начнут тут плодиться и размножаться. Я же им не Дарвиновский музей, в конце концов! Кто-нибудь ещё?

– Нет, мессир. Девушку не принимать?

Джозеф посмотрел на преданного слугу с лёгким уничижительным оттенком.

– Она просила передать Вам записку в случае отказа.

«Ваше высочество! Я понимаю, что моё пребывание в Адуане не является желательным и чревато массой неудобств для самочувствия Вашей сверхчувствительной особы. Питаемая скромной надеждой, я молюсь, чтобы остатки добропорядочности не позволили Вам отказать в приёме женщине, претерпевшей тысячу неудобств во время путешествия в трясушейся карете, а также вынужденной терпеливо сносить приставания вашего щенка-бульдога при столь длительном ожидании».

Какой-то проблеск света мелькнул в сумрачных глазах помещика.

– Эх, дрянная моя, снобская натура. Любовь ко всему утончённому и извращённому – слабость, которая меня погубит. Проводи её в мой кабинет через часик-другой.

Джозеф прошествовал в свой тёмно-зелёный кабинет и гордо уселся за массивный дубовый стол, напряжённо опираясь ладонями на его поверхность. Вскоре дверь тихонько приоткрылась, и на пороге возникла незнакомка, закутанная на сей раз в длинный синий плащ.

– Добрый вечер, ваше высочество, – мгновенно пошла в атаку девушка, вооружившись весёлым тоном.

– Не соглашусь с вами. Сегодняшний вечер может назвать «добрым» только последний идиот.

– Спасибо на добром слове, – ответила гостя, самовольно пересекая кабинет и присаживаясь на кресло, стоявшее напротив владельца замка.

– Вы точно уверены, что у вас амнезия, а не что-нибудь более серьёзное? Оказаться в моём замке во второй раз... Кстати, звать-то вас как? Дело в том, что вы в своей записке весьма дальновидно обозначили последствия вашего пребывания в Адуане для моего высочества. У меня остывает ванна, а общения с окружающим миром мне хватило на неделю вперёд.

– «Что значит имя? Роза пахнет розой...», – беззаботно прошептала ответчица. – Зовите меня как хотите. Мне абсолютно всё равно. Я до сих пор не решила.

– То есть? – удивился великий герцог.

– Видите ли, то, как вы меня называете, имеет весьма малое отношение к моей телесной корочке и её духовной начинке, – ответила посетительница, пытливо оглядывая потолок. — Если я, скажем, напоминаю вам покосившуюся иву, зовите меня Иветтой, я не обижусь.

– Великолепно! Сейчас, когда Европа перемешалась, и перед моими глазами то и дело проносятся самые чудовищные комбинации имён и фамилий, это самое мудрое решение. Вы не против, если я буду называть вас Асусеной?

– Но я же не мать Тереза, чтобы позволить первому попавшемуся аристократу реализовывать на мне свои извращённые фантазии, – возразила незнакомка, перенеся сферу своих интересов в правый угол кабинета, где стояла причудливо изогнутая статуя.

– Хорошо, тогда можно называть вас Прозерпиной? Сегодня как раз Луна входит в знак Девы.

– Фи, ваше высочество, что за мещанские наклонности!

– Тогда как мне обращаться к вам?

– Как хотите, я же сказала.

– Ох, женщины... – вздохнул великий герцог.

Девушка, казалось, закончила осмотр комнаты и откинулась на спинку стула, внимательно разглядывая помещика.

– Хорошо. Скажите, кому вручат «Золотую пальмовую ветвь» за самую красивую экономическую реформу?

– Я никогда не гадаю, – отрезала девушка. – Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить.

– В самом деле?.. – задумался помещик. – Такое ощущение, что я эту фразу слышал уже или читал когда-то.

– Всё было сказано и написано до нас с вами, – слабо улыбнулась гостя.

– Скажите это миллионам идиотов, одурманенных чувством собственной значимости. И всё же? Я жажду услышать ваш прогноз.

– Думаю, Льву Вилю, – бесстрастно ответила брюнетка.

– Что же, будем звать вас Кассандрой. Но смотрите, если награду получит Ди Гарпио, я разжалую вас в какую-нибудь Вангу.

– Спасибо, что сняли с меня этот груз, – задумчиво произнесла новоиспечённая Кассандра. – Кстати, ваше высочество, я чувствую, что вы очень хотите провести для меня экскурсию по замку. Видите ли, ущерб, нанесённый малышом Тоби моему психическому здоровью, весьма велик. Ваш бульдог до сих пор стоит у меня перед глазами, как кровавые мальчишки перед Годуновым.

– Я думаю, Пальма-де-Майорка отлично загладит это неприятное впечатление. А в замке моём настолько сыро, что любое психическое расстройство только усугубляется.

– А мне кажется, что...

– Вот видите! Вам уже что-то кажется, а вы ведь просидели в кабинете не больше пятнадцати минут. Что же будет дальше?

– Ох, вам ли говорить про психические расстройства! – нарочито презрительно фыркнула Кассандра. – Человеку, который хочет уничтожить культуру!

– Что-о-о-о? – грозно переспросил помещик, как будто выростая в кресле.

– Ох, только не надо изображать из себя святую невинность!

– Мой проект направлен как раз на спасение культуры, если в вашем обезьяннике вообще известно, что это такое, – с достоинством произнёс оскорблённый до глубины души аристократ.

– Не оправдывайтесь, ваше высочество, не надо. Склонности к разрушению живут в каждом, мы прекрасно это понимаем, – успокаивающе подняла руки Кассандра, радостно улыбаясь от того, что аристократ попался на крючок.

– Как, вы действительно так думаете? – взволнованно поднялся Джозеф, начиная расхаживать по комнате. – Какое скудоумие! Нет, вы там передайте своим собратьям-макакам: интернет уничтожает культуру. Как только его не станет, всё вернётся на круги своя.

– Ах, что за бредни дикого, воспалённого рассудка! Интернет продвигает культуру. Сколько произведений искусства стало доступно абсолютно любому! А сколько простых людей, не имевших ранее возможности творить, стали известны миру, будучи простыми шахтёрами или парикмахерами?

– Да? Таланты? Молодые дарования? Шахтёры-дарвинисты? – с холодной яростью процедил великий герцог. Его жесты начали приобретать некоторую дёрганность. – А что это за таланты? Что? Грузчик, возомнивший себя новым Паваротти? Школьник, не читавший ничего сильнее Экзюпери? Продавец коржей, который решил, что три прихлопа – всё, что нужно для гениальной музыки?

– Этак вы кончите раковой опухолью, ваше высочество.

Джозеф слегка вздрогнул и пристально посмотрел на девушку.

– Вы знаете, в глубине души у меня клубится такое предчувствие. Что же, да будет так, как угодно року! Это был бы отличный, показательный финал! Я понимаю всю тяжесть, взваленную на мои плечи: я – неизбежное зло. Такой человек рано или поздно должен был появиться. Капитализм породил общество спектакля, заставив миллионы людей хоронить себя заживо ради производства товаров и услуг, без которых прекрасно можно обойтись. Четвёртая научно-техническая революция привела к максимальной автоматизации процессов. Высвободилась масса свободного времени, исчезли самые тяжёлые, неблагодарные профессии. Куда же деваться бывшему монтажнику, как убить время? Из чего лепить себе смысл жизни? Правильно, давайте все кинемся творить и созидать! И ладно бы они созидали пироги с яблоками – так нет. В эпидемии нарциссизма, одолевшей общество, где слава – главная разменная монета, только информационный продукт достоин признания.

– Отчего же нарциссизма?

– Разве вы не видите? Это началось ещё во второй половине XX века. В голове человека прочно засел невроз идеальности. Каждый день он сверял: имеет ли он лучшую работу, лучшую жену, лучший дом из возможных? Нет? Нужно срочно поменять – тем более кругом идёт сплошная пропаганда успеха, где не имеющий лучшего – всего-навсего ленивый неудачник. Иллюзия массы возможностей и свободы выбора только усугубляет этот невроз. Прошли те времена, когда человек понимал: какое-никакое, а моё и навсегда. По крайней мере, это давало внутреннее спокойствие и смирение. Что же оставалось делать человеку, ощущавшему себя неудачником? Ещё больше пыжиться и пытаться создавать иллюзию счастья в этих ваших соц-сетях. Катастрофа.

– В том, что отмирают окостеневшие формы, нет ничего плохого. Если идею можно сократить до трех фраз и разместить в соцсетях, глупо было бы писать целую книгу. Зачем заниматься описанием пейзажа, когда его можно передать с помощью фотографии?

– Тот профессорский тон, с которым вы произносите свои бредни, совершенно меня деморализует. Затем, что каждая форма искусства преследует свою цель. Хорошая картина должна отображать не объект, а эмоциональное отношение художника к объекту; книга не описывает реальность, она конструирует её в вашей голове. Разве вы не видите, что со смертью «окостеневших форм» исчезает воображение, способность мыслить, мельчает сама душа? Разве не этой чуме псевдотворчества мы обязаны кризисом традиционного брака? Любви не существует: поэты и писатели передают нам то, что сами хотели бы испытать. Они заражают нас своими идеалами, поэтому, встречая подходящего человека и испытывая естественное влечение, мы достаём из своих глубин стихи, песни, книги и уже из них достраиваем себе воздушный замок. Теперь строительный материал должного уровня не производится и – что страшнее – не востребован. Поэтому мы и имеем то, что имеем. Пара, встречающаяся несколько лет, считается идиотической, а некоторые голубки и вовсе вынуждены изменять друг другу, чтобы снизить давление общества.

– Вы намертво прицепились к форме, – поморщила носик Кассандра. – Конечно, вы будете лаять на всё современное, как поступают ханжи уже не первую тысячу лет! В основе любого произведения искусства лежит некая идея. Если человек не может понять труды Хайдеггера, пускай прочтёт его мысли в более лёгкой интерпретации, мир от этого только выиграет.

– Боже, – поморщился Джозеф. – От вас несёт демократическим духом. Мне нужно срочно проветрить помещение.

По лицу девушки было видно, что она очень сильно обиделась. Джозеф почувствовал острый стыд за свою бестактность.

– Разве вы не видите? – сказал он уже более мягко. – Все эти пикадауны¹ решили, что стать творцом – это невероятно просто! Не надо пропускать через себя тонны литературы, впитывая хороший стиль и оттачивая мозг стоящими идеями! Не надо часами слушать одно и то же место в опере Сен-Санса, испытывая тоску от невозможности создать что-либо подобное! Не надо ломать третий десяток кистей, если ты не можешь перенести на полотно даже слабый отгосок тех картин, которые тревожат твоё воображение! Достаточно всего лишь испражнить из себя продукт примитивной жизнедеятельности, побочное дитя заблуждалой эмоции – и всё, ты велик и могуч! Сотни таких же баранов почувствуют родственную душу и будут восхвалять тебя на все лады, заставляя и дальше плодить подобных чудовищ!

– Вы правы, конечно, – осторожно заметила Кассандра. – Всё верно, горы информационного хлама растут в геометрической прогрессии...

– Вот именно! – распаяясь всё больше, перебил аристократ. – Хлама! Чем дышать цветам истинного творчества на этой свалке? А мне что делать? Мне мало! Сейчас мне двадцать

¹ Люди, ставшие популярными из-за произведений сомнительного качества.

семь и я прочитал примерно 45% книг, которые действительно стоят прочтения. Я растягиваю удовольствие, конечно, я перечитываю избранное и стараюсь находить занятия по душе, но с ужасом жду того момента, когда читать мне будет нечего.

– Даже не знаю, о чем именно свидетельствуют ваши слова: о величайшем уме либо о величайшей глупости, – пробормотала девушка. – Что поделать! Гуманитарные науки, увы, ограничены спектром идей и проблематик. Я бы посоветовала вам переключиться на науки естественные и технические. Они бездонны, как сама Вселенная.

– Поздно, – вздохнул помещик. – Я так безнадежно отстал, что не смогу покорить вершины естественных тематик современности, а на меньшее я не согласен.

– А зря. Вы никогда не чувствовали прорехи в своих рассуждениях? Человек – животное, так что озабоченность исключительно плотским существованием вполне естественна. Одухотворённость, интеллектуализм – вот где патология. Гении – это посланники других миров, инопланетяне, которых милостиво предоставляет нам Господь для развития цивилизации.

– То есть выращивание огурцов, – усмехнулся Джозеф, – вы считаете более правильным занятием, чем написание картин?

– Разумеется. Предоставьте человеку право быть животным.

– Кажется, я не удержусь и попрошу вас высечь, – покачал головой великий герцог.

– Давайте! – с вызовом повела плечом Кассандра. – Реализуйте своё низшее начало, уподобляйтесь им! Однако почему бы вам не использовать время и средства более созидательно? Вы могли бы создать фонд, который занимался бы поиском действительно достойных произведений, финансировал таланты, просвещал всех желающих.

– Потому что это – пустое сотрясение воздуха! – вспыхнул Джозеф. – Потому что это подобно вычерпыванию воды из тонущей лодки! Потому что это сродни гуманитарной помощи африканским странам! Поймите же вы, наконец: уничтожение интернета – это программа минимум для человека с головой и средствами.

– Да, давайте закроем все фабрики и перейдём на палки-копалки!

– Всему своё время. Начнём с малого.

– Не впадайте в крайности, ваше высочество, – строго заметила девушка, осознавшая, что тяжёлое детство – это не обязательно деревянные игрушки, прибитые к полу. – Стремление личности к истинному знанию, если оно есть, сложно заглушить суррогатами. Всегда найдутся несчастные люди, которые, подобно вам, будут умиляться при пятнадцатом просмотре «Лебединого озера». Позвольте же остальным смертным смеяться от «Нашей параша».

– В том-то и дело, что благодаря этим вашим интернетам подобных людей становится всё меньше! Сколько сил уходит на то, чтобы плыть против течения? Да и с какой стати человек должен прилагать моральные усилия к тому, чтобы просто сохранить хороший вкус, не говоря уже о развитии оно? А сколько нежных, тонких, талантливых людей сломалось, будучи не в силах постоянно противостоять обществу? Проявленный в материальном мире и получивший животную, эгоистичную природу, человек естественно склонен ко злу. Стремление к свету – неустанный труд, Не каждый настолько силён, чтобы воспитывать в себе жажду духовного, по уши сидя в этом прогнившем болоте. Я уже не говорю о «малых силах», которым нужен пастырь и которые обязательно читали бы Камю, будь он в моде.

– Ах, что вы говорите, ваше преосвященство! Зачем вам эта громадная серая прослойка? – хитро прищуривая левый глаз, спросила Кассандра. – Масса не в силах проникнуться истинно великим. Перенимая его, она неизбежно уберёт зерно истины, опошлит всё донельзя, оставит только внешние формы. Предоставьте крестьянину выращивать урожай – вот где проявится его красота! Или вы хотите ходячее недоразумение, рассуждающее то ли про Ничто, то ли про Нешта?

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Во все времена общество, кажется мне, разделялось в приблизительно одинаковых пропорциях. Была – и всегда остаётся – часть населения, тём-

ная, как средневековый склеп, глухая и закрытая, невосприимчивая ко всему высокому и прекрасному. Через эти каменные стены не проникает ни один луч просвещения; посади такого человека в тюрьму и дай ему одну-единственную книгу в качестве развлечения, он предпочтёт сжечь её или пустить на туалетную бумагу, чем прочитать хотя бы три строчки. Но, знаете ли, мне гораздо приятнее было бы жить в обществе, где в моде – Стефан Цвейг, а не Стефани Фрайер, где тёмные страсти представлены Шарлем Бодлером, а не Эрика Грейс. Пусть они ни черта не понимают – мне не резало бы это глаз так сильно.

– А как же насчёт людей, которые действительно хотят развиваться? Вы же лишаете их такой возможности!

– Это слабое место моего плана, – поморщился помещик. – Действительно, с интернетом по-настоящему талантливый человек получает такие возможности для развития, какие и не снились раньше. Я утешаю себя только тем, милая пани, что информация только тогда ценна, когда она достаётся с трудом. Пусть они прочитают три книги вместо трёхсот – пользы будет больше. Да и возможность неограниченных возможностей парализует, вы же знаете.

– И чего вы достигнете в результате вашей ветряно-мельничной борьбы? Даже если всё пройдёт успешно, система быстро восстановится, буквально за считанные годы.

– Смотря как вести дела, дражайшая Кассандра, – хищно улыбнулся великий герцог.

– Да везти их, не везти – треснет ваша повозка. Вариантов у вас всего ничего. Вы можете повредить дата-центры технически – например, взорвать или сбросить бомбу. Вы можете подкупить людей, работающих там, чтобы они повредили серверы сами. Вы могли нанять учёных для изобретения программ, которые парализовали бы их работу. Всё то же самое вы можете проделать с крупными научными центрами, которые разрабатывают интернет-технологии. Любой из этих вариантов кажется очень неправдоподобным, даже с вашими колоссальными финансовыми возможностями. Так или иначе – пара месяцев, и всё вернётся на круги своя, как колёса асулума.

Произнося эту речь, Кассандра внимательно всматривалась в лицо аристократа. Тот, впрочем, пристально изучал поверхность своего стола и быстро вертел в руках позолоченный ножик для разрезания бумаг.

– Безусловно, безусловно, – заверил девушку помещик. – У меня нет никаких шансов.

Кассандра вскочила с места и начала расхаживать по кабинету, не отрывая глаз от лица оппонента.

– Вы полагаете, что отследить ваши связи с «Альфой» – невозможно? Мы сделали это. Вы думаете, что мы ничего не знаем о ваших сообщниках? Они предали вас. Вы воображаете, мы не понимаем роли Старка во всём этом деле? Сладкие иллюзии. Вы считаете, что эти технические новинки так засекречены, что не просочатся в свет? Так может полагать только простофиля. А та женщина? Вы что, искренне верите, что мы не отследили её?

Во время этой обличительной речи Джозеф ещё больше опустил голову, так что Кассандре приходилось немного наклоняться, чтобы следить за его реакцией. Лицо мужчины, увы, ничего не выражало: только на последней фразе губы аристократа искривила ироническая усмешка. Повисло неловкое молчание.

– И чего вы ждёте от меня? – тихо проговорил великий герцог, поднимая голову. – Что я так ничтожно глупо выдам себя реакцией? Я вложил в этот план слишком много душевных сил, чтобы попасть впросак из-за нелепых эмоций. Вы подсылали мне самых красивых женщин, ошибочно решив, что я буду более откровенен во время интимной беседы. Думаете, я не заметил всех этих прелестных ночных бабочек, облипающих меня при первой возможности, словно я единственный огонёк в их беспросветной жизни? Говорите, что угодно, я буду молчать.

От досады Кассандра закусил губу. Растерявшись, она лихорадочно соображала, что делать дальше. Девушка попробовала ухватиться за последнюю соломинку.

– Вы не понимаете, какой опасности подвергаете вашу семью...

– Ах, оставьте эти демагогические бредни! Всё равно вам меня не разубедить. Явись ко мне сам Иисус с неба и возвести, что деятельность моя – вреднее саммитов США, я бы и ему отказал.

– С моей стороны, разумеется, было бы слишком самонадеянно стараться превзойти Господа нашего в авторитете, – вздохнула Кассандра.

Великий герцог впился в девушку стальным взглядом и начал демонстративно барабанить по столу кончиками пальцев.

– Вы, надеюсь, уже отошли от шока, вызванного чрезмерной общительностью Тоби? Или вы всё-таки собираетесь превратить Адуан в санаторий для лечения психических расстройств?

– Не помешало бы, – пробормотала девушка и громко чихнула.

– Жаль, конечно, что вы так настаиваете на том, чтобы сейчас же покинуть мой кабинет, но удерживать вас было бы в высшей степени

ни негостеприимно.

– — Я? Нисколько...

– Очень, очень жаль. Что же, до свидания.

Девушка понуро встала и вяло попрощалась с помещиком. Она почти уже было скрылась в проёме, как резко обернулась и опёрлась правым локтём о дверной косяк.

– Кстати, ваше высочество, известно ли вам, что я питаю особую слабость к институту страхования?

– Нет, неизвестно, – сказал несколько встревоженный Джозеф.

– Всё-таки есть особая прелесть в том, что старый товарищ в лице доброго страховщика придёт в сложную минуту, когда все друзья отвернутся, и скрасит твои страдания по тройному тарифу...

– Положим.

– Питая некую зависть к достопочтимой Дженнифер Лопасть (вы, как любитель ретро, должны помнить её имя) из-за отсутствия столь выдающихся достоинств, я всё-таки вдохновилась её примером и решила застраховать свою жизнь, а также своё физическое благополучие от некоторых рисков...

– Я рад за вас. Весьма благоразумное решение.

– Вы же знаете фонд достопочтимого Фрэнсиса Маккоя?

– Допустим, – ответил великий герцог, передёрнувшись, словно от зубной боли.

– Сэр Фрэнсис – чудесный человек.

– Просто замечательный.

– Все так считают. Светило лондонской науки. Лучший ум Великобритании!

– Безусловно, – заметил аристократ, с трудом прокашлявшись.

– Однако мне кажется, что цели и задачи данного фонда должны вызывать у вас некоторое внутренне отторжение.

– Нисколько, – процедил сквозь зубы помещик. Взгляд его стал чернее ночи.

– Ну и замечательно. А то ведь вас могло бы и огорчить, что, в случае моей смерти и/или серьёзной физической травмы в ближайшие четыре года, в действие вступает страховка «Х+»...

– Могло бы. Я, знаете, обожаю окружающих людей.

– Вот именно. Вы же знаете, что бедняге Маккою не дают развернуться по полной программе некоторые очень глупые препоны Европейской ассоциации запретов. Знаете, у нашего министра такие связи... В случае загадочной смерти кого-нибудь, непосредственно связанного с вашим делом, он обещал поставить на уши всех и вся, использовать всё своё влияние – что, конечно, будет стоить колоссальных усилий, денег, а, возможно, и репутации – чтобы эти вот глупые запреты для милого Фрэнки снять. Спасибо моему дорогому шефу, он умеет ценить сотрудников.

Помещик промолчал, однако по его нервно сцепленным рукам и отчаянному взгляду могло показаться, что его совсем не радует перспектива развития британской науки под руководством «милого Фрэнки».

– Ну и чудненько! – воскликнула Кассандра, с удовольствием проследив за реакцией великого герцога. – Окажите любезность, замените, пожалуйста, повозку, которая должна доставить меня на форпост. У меня ужасная аллергия на подпиленные рессоры. Кстати, можете дать выходной вашим мальчикам. Следить за мной совершенно бессмысленно: я с радостью сообщу вашему высочеству любую информацию по поводу моей личности.

Кулаки аристократа стиснулись от едва сдерживаемой ярости. Развернувшись на пятках и высоко задрвав подбородок, гостя гордо покинула кабинет.

Глава 6, в которой девушка демонстрирует трофеи

Когда Кассандра (а мы будем продолжать называть её именем, данным помещиком) вернулась домой, солнце едва протиснуло свои лучи сквозь утреннюю пелену. Едва перебирая ногами от усталости, она кинулась в мягкие объятия дивана, мгновенно позабыв обо всех событиях прошедшего дня.

Дом, снимаемый для министерских нужд, имел один существенный недостаток: он был слишком технологичен. Таким образом, как только девушка переступала порог гостиной, на охоту по её голову выходил один из вездесущих начальников.

– Привет, кукумбричек!

Из ниоткуда, как будто из воздуха появился голубоватый экран и завис в пространстве. По ту сторону Кассандру внимательно изучали весёлые глаза её непосредственной начальницы.

– Здравствуйте, – вяло пошевелила губами брюнетка.

– Ну, давай, рассказывай, как там? Мы тут с отделом ночь не спим, всё делаем ставки.

– Моя поездка прошла скорее продуктно, чем непродуктно... – еле выговорила девушка, балансируя на грани между сном и явью.

– Вот чёрт! – расстроилась блондинка. – Я-то спорила, что ты промахнёшься по всем показателям! Ничего, эти двадцать пять евро ты мне возместишь в качестве компенсации позора перед подчинёнными. Ладно. Поведай же старой доброй тётке Элен Аримат, что у тебя там.

– Можно я посплю некоторое время? Мозг совсем отказывается функционировать...

– Можно.

– Спасибо.

– Приступай к рассказу.

Некоторое время Кассандра сидела, упёршись локтями в колени и водрузив голову на сцепленные ладони, силясь прийти в себя. По ту сторону экрана выглядели любопытные рожицы.

– Сделай инъекцию «мига», хоть взбодрись! – нетерпеливо встряла Венера Милович, миловидная шатенка, считавшая своим первостепенным долгом дарить отделу любовь и добро, что порою плохо сказывалось на её служебных успехах.

– В общем, так, – сосредоточенно начала девушка, поднимая голову. – Ту многообещающую линию, что я нащупала в первый раз, разработать не удалось. Герцог захлопнулся, словно ракушка, отказался со мной разговаривать и выдворил из кабинета. Зато я стащила всё, что плохо лежало. Не подумайте обо мне плохо: такие экзерсисы мне совершенно не свойственны.

– Нашла, за что оправдываться, – рассмеялась Элен.

– В глубине души я честный китайский чиновник и законопослушный гражданин, – продолжила брюнетка, пытаясь избавиться от настырного чувства стыда. – Но в последнее время меня всё больше посещает ощущение, будто я медленно и неизбежно превращаюсь в Шерлока Холмса. Ну-ка, что у нас там?..

Она с силой потрясла плащ, так что содержимое его многочисленных карманов вывалилось на пол.

– Так: милый лиловый конвертик... Фу, как надушен-то! Читаем: «Дорогой Хрюн! Буду ждать тебя в понедельник, в семь часов, как всегда. Муж уехал. Захвати касторовое бренди. Твоя Мими. Хрю-хрю». Очень надеюсь, что это адресовано не его высочеству...

Далее в коллекции трофеев, нажитых честным воровством, значился небольшой блокнотик, исписанный в пределах трёх первых страниц.

– Ну-с, и что же вы нам поведаете? «02.09 – АКМ, 17.09 – ЧСМ, 30.09 – УЛК». Следующая страница. «13.10 – ФРМ, 26.10 – УСЛ, 1.11 – КТМ». И последняя: «14.11 – АДД, 28.11 – ФРМ, 12.12 – ФРМ, 26.12 – ФРМ».

– Так-так-так! – воскликнула Элен, радостно потирая руки. – Крошка, мне кажется, мы нащупали нечто действительно важное! Это могут быть записи, касающиеся посещения сообщников. Разумеется, это события последней осени, смотрите, чередование – один раз в две недели. Буквы – это инициалы, конечно. Как хорошо, что у нас есть точные даты! Подключим к делу записи с камер.

Кассандра, не высказавшая особой радости, продолжала осмотр. Перебрав с десяток предметов, оказавшихся ненужным для следствия хламом, она, наконец, выудила на белый свет свой главный трофей.

Это был медный медальон, стилизованный под старину, весь испрещённый извилистой резьбой. Он лежал у Джозефа на столе, погребённый под какими-то бумагами, совсем рядом с Кассандрой. Девушка незаметно стащила его во время своей обличительной речи, когда помещик старался не смотреть на неё.

– Ну-ка, ну-ка, что у нас там внутри? – с нарастающим азартом суетилась похитительница, пытаясь нажать на вредную боковую кнопку, которая никак не поддавалась. Треснув от нетерпения ею об пол, девушка с восторгом обнаружила, что крышка медальона отворилась, обнажив небольшой тайник.

– Так-так-так! Смотрите-ка, что это? Бумажка! – нетерпеливо прокричала Кассандра, выковыривая из медальона лист формата А5. Она возбужденно расправила бумагу на коленях.

– Ну что там, что там? – оживился подотдел особых случаев.

– Так... В левом верхнем углу ручкой нарисовано пять треугольников, внутри каждого по две линии, идущих от основания к вершине... В левом углу четырёх из них нарисовано по маленькому кружочку, а в центре самого большого, пятого треугольника, имеется целых два кружочка. От левого нижнего угла бумаги до верхнего идёт прерывистая линия, которая постоянно перечёркивается маленькими штрихами... Остальные стороны листа обрамлены волнистой линией... Итак, посередине мы видим три слова: «баланда, макраме, графоман». Чуть левее цифры: 00628291. Под ними флаг: волны, солнце, какая-то птица... Очень интересно.

– Девочка моя! – взвизгнула Элен. – Ты просто прелесть! Это же кладёшь информации! Тут может быть карта местности, порядок действий, позывные и клички... Любой код, в конце концов, можно расшифровать, и тогда я поеду в отпуск!

– Очень интересно... Надо бы поразмышлять, – задумчиво проговорила Кассандра.

– Размышлять у нас размышляльщики будут. Ты давай, ещё раз покажи на камеру всё это, при первой удобной возможности заберём. Если из этого выйдет что-то толковое, я дам тебе премию и разрешу три раза не приходиться на субботние совещания.

Девушка отключила связь, отвернулась и закуталась в одеяло. Какое-то странное, неприятное чувство давало о себе знать, и она тут же попыталась заснуть.

Глава 7, в которой мы прекращаем описывать то, что ждёт читателя в следующей главе

После отъезда Кассандры помещик долго не мог прийти в себя. Он бесцельно бродил по замку, нанося вред собственному имуществу.

– Она уже покинула пределы Адуана, мессир, – жалобно попытался урезонить хозяина Старк, вбежав в коридор, соединяющий картинную галерею с охотничьим залом.

– Её счастье, – мрачно ответил Джозеф, сшибая с пути небольшой столик из китайского бамбука, привезенный в поместье ещё в XVIII веке.

– Если вы хотите знать, мессир, то я приказал Джузеппе подготовить новую ванну для вашего высочества, – попытался было отвлечь хозяина Старк от вазы с гжельской росписью, которая была ему особенно дорога.

– Чёртовы канцелярские крысы! И всё они шастают, шастают...

– Мессир, так ведь все ваши дела устроены настолько хорошо, что никакая, как вы изволите выражаться, канцелярская крыса не подкопается. Что с того, что одну из них попугал малыш Тоби?

– Ты прав, – заметил Джозеф. – Но знаешь, когда вкладываешь в дело всю душу, начинаешь дрожать от любой, пусть даже преувеличенной опасности. Я чётко осознаю тот факт, что польза от посещения мадмуазель Кассандры для её крысиных королей – нулевая, то какое-то внутреннее беспокойство...

– Успокойтесь, мессир, это всего лишь расшалившиеся нервы. Мы добавим в ванну эфирные масла, а завтра, когда Ян освободится от работы на псарне, он может составить вам партию в бильярд, потому как я...

Внезапно с доблестным дворецким начали происходить какие-то странные метаморфозы. Он пошатнулся, а потом начал медленно багроветь, покрываясь красными пятнами.

– Что случилось, мой дорогой Старк? – спросил встревоженный помещик.

– Ничего, – чуть слышно прошептал тот.

– Да ты едва на ногах стоишь!

– Это, видно, из-за погоды, ваше высочество.

– Да где там! Ты же у нас небожитель, которому совершенно не страшны перепады атмосферного давления... Сходи прими ванную вместо меня.

– Слушаюсь, мессир, – пролепетал Старк, продолжая покорно плестись за хозяином. Приложив платок ко лбу, чтобы вытереть выступивший пот, он случайно задел локтем ту самую гжельскую вазу, которая вдребезги разбилась на буковых досках паркета.

– Ай-яй-яй! – шуточно пригрозил ему помещик. – Портить вещи – это моя прерогатива.

Джозеф чуть было не зашёл в охотничий зал, но вовремя сообразил, куда вела эта дверь, и инстинктивно попятился. Старк улучил возможность для того, чтобы отодвинуть небольшой столик, стоявший недалеко от входа в зал, и посмотреть, не затерялось ли что-нибудь под ним

– Что это ты так усердно ищешь, дорогой Старк?

– Ничего, мессир, совершенно ничего.

– Хрюн, – строго возразил аристократ. – Ты же знаешь, что совершенно не умеешь врать. Смотри, узнаю что-нибудь – будет только хуже.

– Видите ли, ваше высочество, – залепетал управляющий. – Тут лежала одна записка, а теперь её нет. Я вот и смотрю, не упала ли она куда...

– А что за записка?

– Это от Яна, касательно конюшни... Кажется, Бетси плохо переносит угольные подковы... И вот, я шёл в охотничий зал, нёс её в руках, потом мне понадобилось перенести кубки

вашего в отца в другую комнату, потому что я увидел, что на них неправильно падает свет. Руки мои были заняты, поэтому я оставил её на столике и думал забрать попозже, а сейчас смотрю – и её нет...

– Да ладно, ладно, – перебил его Джозеф. – Ты лучше опиши, как она выглядела.

– Такой конвертик небольшой, лиловый... – замялся Старк. – Сверху сургучная печать с золотой крошкой.

– И с каких это пор мои конюхи шлют тебе письма в лиловых конвертах? – грозно спросил великий герцог. – Я, надеюсь, пока не настолько извращён, чтобы вводить подобные правила для ведения деловой корреспонденции.

– Просто Ян очень любит Бетси...

– Она, небось, была ещё и надушена?

– Возможно, мессир, я не помню, – пролепетал дворецкий.

– Ах так, старый развратник! – в негодовании воскликнул великий герцог. – Я знаю: тебе опять писала эта женщина! Ну же, признавайся!

– Я не знаю, мессир, – жалобно захныкал Старк.

– Ах, вот как! Опять шашни за моей спиной! Эта профурсетка опять возомнила из себя невесту что! – разошёлся помещик, ударяя кулаком по раме, где висела чудная картина Лоррена. – Если она ещё раз напишет сюда, я велю своим людям поджечь её дом. Ты мой и только мой.

И Джозеф направился в свою спальню, неуклюже пиная попадавшие по пути предметы. Старк плёлся за ним, лепеча какие-то оправдания в свой адрес. То и дело доносилось «я не знал», «это в последний раз» и «она сама».

– Стой-ка! – резко остановился сумасброд, не дойдя и до середины коридора. – А и правда, куда могла запропасться записка? В это время суток слугам нечего здесь делать... Да и зачем им твои любовные послания? Если я узнаю, что это Инта с её любопытными ручонками...

– Даже не знаю, мессир, Инте было сделано строгое предупреждение, так что я не думаю, что это она... Мамзель Кассандру ведь никто не сопровождал на обратном пути, ваше высочество? – побледнел Старк.

– Я в растерянности забыл позвонить, чтобы её сопроводили до дверей. Во сколько она уехала? От меня она ушла где-то в полчетвёртого.

– У кареты она появилась в четыре двадцать, ваше высочество.

Джозеф начал тяжело дышать. Он обернулся к дворецкому и выдал всё, что думает по поводу Министерства и его усато-хвостатых работников, о современных нравах и о расстановке политических сил на мировой арене в целом. Мы не будем приводить тут эту речь, дабы не травмировать мягкую психику читателя.

Старк сразу же побежал за стаканом холодной воды, и когда она вся оказалась на голове помещика, тот решил, что пора приступать к более целенаправленным действиям.

– Нужно пройти по замку и посмотреть, не прибрала ли к рукам эта... ещё что-нибудь. Я знаю, Старк, что некрасиво употреблять уничижительные слова по отношению к прекрасному полу, так что поправляй меня каждый раз, когда заметишь попытки моего подсознания вырваться наружу.

– Пани Лански не профурсетка, – исподлобья заметил дворецкий.

– На неё вето не распространяется! – яростно блеснул глазами Джозеф. – Это не женщина, это какое-то настырное исчадие ада.

Старк кинул клич, и слуги принялись обшаривать каждый закоулок замка, пытаясь заметить любые несоответствия. Через несколько часов управляющий держал отчёт перед Джозефом в его кабинете.

– Сложно проследить, мессир, – растерянно развёл руками бедняга. – Замок-то большой, каждую мелочь не упомнишь! Единственное: я не нашёл тетрадку, где была родословная Тобиора. Я её в последний раз видел в библиотеке, положил на полку, пока проверял, хорошо ли закрываются окна. Только ведь я мог её потом забрать и в другое место отнести, не помню уже, старый стал.

– Хм. Если вдруг ей удалось унести это с собой, то Бог с ней. Наверняка её ждёт уйма счастливых минут за изучением прародителей Тоби.

– Ах, ну конечно! Как же это я, старый болван, забыл! – воскликнул Старк, хлопая себя рукой по лбу. – Позавчера я где-то выронил блокнот с записями о приёме лекарств. То ли в кабинете вашего батюшки, то ли в охотничьей зале. Но ни там, ни там он мне не попался.

– Что за блокнот?

– Помните, там были записаны все экспериментальные лекарства, что вы принимали этой осенью. Акнемедазол, мазь Честера Смита, ультракарнезин...

– Может быть, – вздохнул помещик. – Что же, невелика потеря. Скажи Аманде, чтобы приготовила кровать. Вряд ли у меня получится хорошенько поспать, но – кто знает? – вдруг на меня в постели свалится люстра, и тогда меня посетит озарение... Эй, что это ты уставился на меня, будто призрака увидел?

– С-скажите, в-ваше в-высочество. Мне кажется, или медальон из Пакистана уже не имеет ч-чести украшать ваш кабинет?

Джозеф резко распотрошил бумаги, захламлявшие стол. На пол полетели печати, статуэтки и письменные принадлежности – медальона среди вещей не оказалось.

– Взорву к чертям собачьим эту лужу, – медленно проговорил он, закусив от ярости губу. Несколько минут великий герцог молчал, нервно сжимая кулаки.

– Да не расстраивайтесь вы так, ваше высочество. Подумаешь медальон. Да ничего не значит этот медальон. В аду ему гореть, медальону этому.

– В аду мы будем все гореть рано или поздно, дорогой Старк, – заметил великий герцог, хмуро глядя в окно. – Этот медальон действительно ничего не значит. Я купил его на обратной дороге после встречи с руководителями «Альсамы». Путь мой пролегал через людный базар, и какая-то старая женщина, сморщенная, как курага, решила не давать мне проходу, пока я не куплю его... Я решил приобрести эту милую безделушку на память о нашей встрече и заплатил ей в пять раз дороже, чем она того стоила.

– Так ведь раз дело так и обстоит, то нет нужды ли переживать из-за...

– Скверно, Старк, очень скверно! Это медальон ручной работы, и узорная сетка на его поверхности характерна лишь для пары-тройки деревень в этой области. Если выйдут на след... Чудовищно, абсолютно чудовищно. Вот и делай после этого добрые дела.

Дворецкий только молча вздохнул, так как ещё не придумал довода, который мог бы обнадёжить великого герцога.

– А не хранили ли вы чего-нибудь внутри, мессир? Мне кажется, медальон был с секретом...

– Вряд ли, – отмахнулся Джозеф. – Не такой же я болван, чтобы важные вещи в медальонах хранить.

Несколько минут они сидели молча. Аристократ теребил в руках ножик для открывания корреспонденции.

– А хотя... Припоминаю, что на обратном пути, чтобы занять себя в поезде, рисовал на бумаге какие-то каракули, дабы отвлечься. Если я не выбросил листок по дороге, то, должно быть, положил его в медальон. В любом случае, это неважно. Дело приобретает дурной оборот.

– Да ведь она может даже не понять значения этого медальона, ваше высочество...

– Хрюн, сколько раз я тебе говорил, что не следует приукрашивать жизнь разноцветными иллюзиями, если в тебе недостаточно мужества, чтобы выпить яд правды, который выжжет

твоё нутро исцеляющим пламенем. Пока в руках у неё этот предмет, бессонные ночи мне обеспечены. Всего пять месяцев до конца пути, а костёр моей нервозности даже не думает угасать. А эти черви ещё смеют подкидывать туда хворост!

Старк тяжело вздохнул. Он помнил, как в самом начале осуществления замыслов хозяин мог вздрагивать от любого шороха, как во время веселейшего из пиршеств его лоб прорезала беспокойная морщинка. И это тогда, когда план казался идеальным! Что же будет теперь?..

– Мы могли бы нанять людей, чтобы ограбить её дом, – постарался сказать он как можно уверенней.

– Фи, что за мещанские штучки, – поморщился великий герцог. – Тем более рисковать нельзя: если медальон всё ещё у Кассандры и она не подозревает о его истинном назначении, то это повернёт мысли коллег-клопов в ненужное русло. Надо всё делать очень осторожно, аккуратно, едва заметно... Придётся нанести мадемуазель Кассандре полуночный визит.

– Побойтесь Всевышнего, мессир! – всплеснул руками управляющий. – Вам нельзя сейчас покидать пределы Адуана!

– Эта проклятая подозрительность сильнее меня, мой милый Старк... К тому же, несколько умозаключений дают мне утешение. Моя смерть наделает много шума. Нанятые люди докажут причастность к этому министерства, а это может дать карты в руки сторонникам дезинтеграции США, которые твердят, что мы устанавливаем полицейское государство и не считаемся с правами человека... Да и моё завещание, которое гласит, что в случае смерти в ближайшие три года всё моё состояние отходит к арабским экстремистам, должно охладить их пыл.

Произнося эту речь, Джозеф нервно разбирал на части золотую ручку паркер, подарок премьер-министра Индонезии. Было видно, что он хочет успокоить скорее себя, чем Старка.

– И всё-таки, мессир, я никуда вас не пушу! – заявил дворецкий, самовольным распятием заслоняя проход. – Если понадобится, я надену на вас смирительную рубашку.

Аристократ грозно выругался, оттолкнул Старка и решительно направился на поиски средства, успокоившего бы его мнительность.

Глава 8

Кассандра, завернувшись в плед и скрючившись на своём чёрном диване в гостиной, почти уже было заснула, когда услышала звонок. Сделав нужный жест рукой, в результате которого возле неё появился пульт управления входными дверями, она решила предоставить неожиданному посетителю доступ в своё жилище и тут же погрузилась в сон. Когда минут через пять что-то заставило открыть её глаза, девушка увидела, как в гостиную входит Джозеф, внимательно озираясь по сторонам.

– Здравствуйте, – едва пошевелила она губами. – Спокойной ночи.

– Спокойной, – чуть-чуть ошалел Джозеф.

Двигаясь очень тихо, он начал обходить комнату по периметру.

– Эй! – вскричала девушка, окончательно проснувшись. – Что это вы делаете в моём доме? Соскучились?

Кассандра резко села, зажав плед между ног. Незванный гость обернулся, отвлекаясь от шкафа, который явно доминировал над обстановкой.

– Нет, – тихо сказал он, медленно приближаясь к девушке. – Мы не договорили. Ненавижу, знаете ли, это чувство, когда острое твоего довода не пронзает оппонента насквозь, а красноречие, не находя себе применения, покрывается ржавчиной.

– Валяйте, – вяло проговорила Кассандра, протирая кулаками глаза.

– Вы вот думаете, – начал великий герцог с обезоруживающей улыбкой, – что я эгоист и плохой человек. Но ведь это не так. Я люблю человечество и готов нести на своих плечах крест просвещения умалишённых. Я отдаю себе отчёт в том, что положительные перемены, которые случатся после исчезновения интернета, произойдут не сразу. Но это понадобится минимум два поколения, так что для меня нет смысла идти на пашню: плоды трудов моих пожнут другие. Кто знает? Потомки моих духовных соратников, быть может, поблагодарят меня за жизнь в более достойном мире. Родится не один мальчик, который избежит тягостной участи культурной изоляции, моей участи, и познает все радости единения с обществом. Пусть он не будет знать, благодаря кому в его кровь с детства войдёт дыхание истинного духа: награда моя не лежит в области сиюминутного признания и зиждется на альтруистических мотивах...

– «То признак воли, непокорной небу, души нестойкой, буйного ума, худого и немудрого рассудка»... – щипнула себя девушка, пытаясь побыстрее проснуться. – Истории свойственно чередование тёмных и светлых периодов. Как больной человек, ставший с кровати, стремится сделать свою жизнь более насыщенной, так и общество, побывав на дне, только сильнее отталкивается и быстрее плывёт вверх, к свободе и свету, а мрак былых времён служит стимулом, чтобы не возвращаться к прошлому...

– А я не хочу жить в тёмную эпоху. Я хочу максимально приблизить наступление светлой.

– Ох, мужчины, – вздохнула Кассандра.

И тут Джозеф заметил медальон. Справа от дивана, на котором спала девушка, стоял небольшой журнальный столик с красивыми резными ножками из красного дерева. Кассандра, видимо, сначала положила медальон на этот столик, а потом случайно задела его, так что дорогой сердцу помещика предмет обитал буквально в полуметре от дивана.

– Между прочим, ваше высочество, я не совсем понимаю, как вы, с такой тонкой душевной организацией, могли выйти в люди, когда город находится в плену убывающей Луны. Как не опошляет это идею путешествия, которое должно быть исполнено страстных надежд, как молодой месяц?

– Знаете, ощущение недосказанности, которое клещом присосалось к моей душе, наносит мне гораздо больший вред. Разве глаз, этот многострадальный сторож, первым принимаю-

щий на себя удары окружающего мира, не стирается со временем от столкновения с жалкими деталями нашей никчёмной экзистенции?

Кассандра хищно улыбнулась.

– Или вы просто не хотите, чтобы мы узнали чуть больше о «баланде» и «графомане»?

Великий герцог с недоумением воззрился на своего противника.

– И вы даже хотите сказать, что не заметили посягательств на вашу частную собственность?

– Заметил.

– И вы пришли требовать вещи обратно?

– Разумеется, – ответил помещик, отходя к стене и водружая свой локоть на плохо прибитую книжную полку. – Адская боль пронзает сердце от одной только мысли, что моя вещь хоть на секунду окажется в руках другого. Сама идея подобного вероломства вселяет в меня безграничный ужас. Верните обратно всё, вплоть до последнего атома. Немедленно.

Брюнетка посмотрела на посетителя с лёгким недоверием.

– Неужели вы не учли тот факт, что все находки будут тотчас же направлены в соответствующие инстанции? Или же цель вашего визита составляет нечто другое...

– Да! – воскликнул Джозеф, ударя кулаком по полке, в результате чего стоявшая на ней дорогая цейлонская статуэтка упала на пол и разбилась вдребезги. – Вы правы! Нет смысла больше скрывать это. Моё обнажённое сердце прорывается сквозь обветшалые доспехи захудалой гордости аристократа.

Он отвернулся от Кассандры и сцепил пальцы за спиной.

– Вам никогда не казалось холодно и неудобно в этом мире?.. Никогда не ломали вы себе пальцы в отчаянии, надеясь, что Провидение пошлёт вам один из своих бесценных даров, который, подобно Александрийскому маяку, поможет вам выбраться из темноты и хаоса? Верили ли вы в негасимый свет, которым может навсегда зардеться ваше существование?

Девушка сочла благоразумным промолчать.

– Представьте, что вы живёте совершенно один, окружённый многовековыми стенами мрачного поместья, и единственное, что держит вас в этом мире – старый слуга да ещё одна идеалистическая, благородная цель в жизни... Разумеется, вокруг вас находятся люди, но это пушечное мясо: они настолько ниже вас по уровню, что легче возвести мост над бездной, чем установить с ними искренние дружеские отношения. И вот, в один восхитительный день вы видите перед собой нимфу, посланника иного мира... Этот человек – ваш сиамский близнец по духу: сопротивляться бесполезно, ведь ни один хирург не может отделить вас от себя самого. Удивительно ли, что с первого взгляда в вашей душе пробуждается благоговение, которое раньше вы ощущали, глядя лишь на полотна Рафаэля? Не в силах объяснить себе это необычное чувство, не собираясь отдаваться его власти, вы боретесь с собой, убеждаете себя, приводите тысячу аргументов, но в один момент понимаете, что оказались во власти высших сил, которые ведут вас незримыми тропами в том направлении, которое выгодно исключительно этой страсти, да и вашему инкубу-искусителю...

– Суккубу, – меланхолично поправила его Кассандра.

– Что, простите?

– Инкуб – это демон-искуситель в мужском обличье, а суккуб – в женском. Мне ли вам напоминать, ваше высочество?

– Простите, – сказал он, порывисто приближаясь к девушке и осторожно становясь на колени перед ней. – Вот видите, мысли мои путаются, руки дрожат, пот течёт со лба, и я даже не могу грамотно сформулировать свою мысль! Всё из-за вас, чаровница... Вот я открыл вам свою душу. Я полностью в вашей власти. Все свои богатства, все титулы, все грандиозные замыслы и проекты я брошу к вашим ногам в обмен на слабое «да», сорвавшееся с ваших уст. Скажите, согласны ли вы быть моей? О, не мучьте меня, видите, как я страдаю?..

– И я, я тоже чайка! – расхохоталась девушка. – Браво, герцог, браво! Не ожидала, что вы падёте так низко. «Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабом?». Вы подняли мне настроение до конца недели. Теперь, как только вера в свои силы начнёт покидать меня, я буду вспоминать вашу пламенную речь и осознавать, что и я в этой жизни чего-то стою. Жаль, что бирмингемский цирк уехал, мне кажется, вы могли бы составить конкуренцию тамошнему Панчу. Кстати, ваше низочество: если высшие силы назначат вам новый объект для страсти, закапайте в левый глаз воду. Так ваши страдания будут выглядеть гораздо живописнее.

– Что же, дело ваше, – вздохнул Джозеф. Поморщившись, он встал с колен и решительно направился к выходу.

– Только будьте любезны оставить мне на память вон ту милую вещицу, которую вы так ловко прихватили, стоя на коленях. Неужели столь высокое чувство будет опошлено банальной кражей? Мою заколку, палочки с благовониями и другие чудесные вещицы, которые вы успели прихватить для отвода глаз, можете оставить себе. Пусть это будет даром моей любви.

Помещик на секунду было обернулся, однако ничего не ответил и направился дальше.

– Ну что за детский сад, ваше высочество! Вы же знаете, что стоит мне стукнуть пяткой, и сюда тотчас же приедет полиция. То, что вещь первоначально принадлежала вам, надо ещё доказать. Разве вы хотите провести ночь в полицейском участке? Боюсь, после такого испытания высшие силы закинут в вашу головушку пару-тройку новых анархистских идей. К тому же мне было бы лестно оставить у себя данный артефакт как доказательство вашей любви. А то ведь не поверит никто. Знаем мы вас, род мужской, непостоянный! Ещё возьмёте и передарите новой возлюбленной.

Джозеф почти дошёл до двери, но, сражённый тяжестью приведённых аргументов, упал, чем неизбежно опрокинул небольшой шкафчик с разными мелочами, украшавшими жизнь Кассандры. Медальон выпал из его рук. С трудом встав на ноги, он поднял шкаф, водрузил все предметы на место и какой-то странной, ковыляющей походкой вышел из дома.

– Стойте! – крикнула девушка удаляющемуся силуэту. – Ваше высочество, как вы относитесь к России?

– Никак к ней не отношусь, чему весьма рад, – обернулся помещик, на секунду останавливаясь.

– Жаль. Очень жаль! – грустно вздохнула Кассандра и медленно закрыла дверь.

Глава 9

На следующий день Джозеф и Старк обсуждали результаты операции в бильярдной комнате. Забивание шаров в лунку помогало помещику расслабиться и выработать оптимальное решение.

– Медальон-то я украл, – заметил Джозеф, делая отличный карамболь. – В последний момент прихватил. Однако на душе у меня ещё более беспокойно, чем было.

– Я же говорил, мессир, – опечалился Старк. – Не следовало и начинать.

– Я-то понимаю, что медальон у меня и волноваться не о чём. Даже если бы он был у неё, если бы она отправила его в министерство, если бы они всё правильно поняли и выжали из него по максимуму, это едва повредило бы моим планам. Дурацкая мнительность! Сразу начинаешь воображать худшее.

– Старина Фост начищает ружья для охотничьего сезона. Если бы вы поприсутствовали при организации выезда, мессир, это могло бы отвлечь вас от лишних забот.

– Нет, ты подумай сам! Эх, ну почему я не родился в семье бедняка, чтобы иметь возможность с детства тренировать воровские навыки! Она теперь ясно понимает, что медальон что-то значит для меня. Будет думать. И додумается...

– Так медальон-то у вас, мессир! Над чем ей думать?

– Она могла его запомнить! Быть может, прямо сейчас она воспроизводит в памяти его узоры. Потом отправит его в министерство...

– Мессир, я боюсь за ваше здоровье. Этак вы похудеете на десять килограмм и посадите себе почки, а до реализации проекта почти что полгода! Постарайтесь выкинуть всю эту чехарду из головы.

– Не могу, – вздохнул аристократ. – Понимаю, что это ужасно глупо, но не могу.

Игра давалась Джозефу тяжело. Каждый раз, когда мужчина склонялся над столом, по лицу его пробегала едва заметная недовольная гримаска.

– Только не вздумайте удалять беспокойство экстремальными методами. Вы же видите: чем больше вы делаете, тем сильнее мнительность одолевает вас. Нельзя всё просчитать наверняка.

– Не переживай. Кассандра подстраховала свою жизнь и здоровье проходимцем Мак-кормом совершенно напрасно. Я, быть может, бываю жесток, но не настолько бессердечен, чтобы устранить человека, тем более женщину. Подпиленные рессоры и необузданные лошади были лишь предупреждением, чтобы эти канцелярские крысы не смели соваться в моё имение... Жаль. Она, видимо, приняла это на свой счёт.

– Она ведь могла пустить вам пыль в глаза, мессир, – лукаво заметил дворецкий.

– Ты думаешь? – оживился помещик. – Это было бы, очень, очень кстати. Тогда можно подстроить ей лёгкое сотрясение мозга, чтобы из него вылетело то, чего ей знать не полагается. Съездить, что ли, в Британию и разнюхать обстановку?

– Ах, мессир, даже не смейте! – вскричал обеспокоенный Старк, пожалевший о своих словах.

– Да не волнуйся ты, Хрюн! Это становится интересно. Занимательный способ скоротать время. Я даже отчасти начинаю понимать любителей ненавистных мне экшн-романов былых лет. За жизнь свою я не боюсь. Всё равно рано или поздно придётся умирать. Так какая разница, раньше или позже? Главное – дело моё будет закончено и без меня.

– Но ведь есть и другие способы, мессир, – продолжал скулить дворецкий.

– Это какие, например?

– Раз главная опасность исходит из её головы, можно просто свести её с ума. Это гораздо безопасней.

– Ты думаешь?..

– Да. И в Британию ехать не придётся.

– Подожди, мне надо хорошенько обдумать это. Нет, дельце определённо становится всё интереснее! Хорошее средство скрыться от домогательств повседневности...

И великий герцог бросил партию, приказав подготовить ему офуро. Горячая вода способствовала притоку новых идей в его замечательный мозг. Старк воспользовался этой возможностью, чтобы забить оставшиеся шары самостоятельно и хотя бы таким образом обыграть своего хозяина.

Через два часа Джозеф вошёл в коронный зал, освежённый негой японской ванны.

– Так, дорогой Хрюн, пошли телеграмму на форпост. Пускай кто-нибудь съездит в город и предательски воспользуется благами, предоставляемыми интернетом для связи с людьми. Мы будем ждать очень особенного гостя.

Глава 10

Какой час дня и ночи стоял на улице – Кассандра не знала, да и не очень хотела знать. Она завесила окна тёмными шторами, лёгким щелчком вызвала экран и посмотрела, как на Мальдивах какие-то нувориши отчаянно пыхтят, стараясь загарпунить рыбу. Как всегда без предупреждения на связь вышло начальство, так что девушка чуть-чуть подавилась терьер-бургером и постаралась быстро засунуть его под кресло. Элен не любила, когда девушка на командировочные деньги приобретала слишком дорогую еду.

– Ну как, новости есть?

– Не знаю, – ответила Кассандра, доставая припасённый специально для таких случаев батончик из концентрированного крахмала. – Нет, конечно, есть, но мне хотелось бы их тщательно обдумать, перед тем как вам сообщать.

– Ох, тяжело с вами, неформалами, – возмутилась Элен. – Говори, что да как.

– Видишь ли, этот голубчик устроил мне полуночный визит.

– О! Пытался переманить тебя на тёмную сторону?

– Да нет, – ответила Кассандра, с трудом пережёвывая батончик. – Валялся у меня тут в ногах, мол, люблю, самолёт куплю, женюсь и все дела. Ужасная деградация.

– Да?! И она молчит?! Сидит и молчит?! А ну-ка, ребятки, сюда! У нас важные новости!

– Да уймись ты, – поморщилась Кассандра. – Корысть потеснила в его сердце робкие ростки любви. Просто хотел прихватизировать честно добытый мною медальон. Нахал! Как это я не заметила, что он всё-таки стащил его в последний момент? А хорошо играл, я почти поверила.

– Неправда! – воскликнула Венера, первая подбежавшая к окошку переговоров. – Это было прикрытие. Он просто решил украсть медальон, чтобы ты не подумала, будто он в тебя влюблён на самом деле.

– Стоп! – сделала предупреждающий жест Элен, до которой начала доходить суть вопроса. – А побрякушка эта ему зачем понадобилась?

– Вот и я думаю, – заметила Кассандра, старавшаяся походить на роденовского «Мыслителя». – Джозеф, конечно, понимает, что я сразу покажу вам медальон, а все наши переговоры записываются. Следовательно, его волнует не внешний вид медальона, а материал, из которого он сделан. Быть может, это не обычная медь, а какой-то инновационный металл, который он использует в своих планах. Как вариант, химический анализ указал бы нам на уникальную местность, где этот медальон был приобретён. Либо же внутри имеются секретные тайники, незаметные при беглом осмотре.

– Эх, как жаль! – вздохнула Элен. – И почему я не додумалась забрать его у тебя сразу?

– А вдруг, – робко встряла Венера, – Джозеф вовсе не учёл, что медальон можно сфотографировать или запечатлеть во время видеосвязи? Не забывают, он живёт в аномальной зоне, где не функционирует никакая техника; мышление Джозефа может сильно отличаться от нашего.

– Не говори ерунды, – поморщилась блондинка. – Невозможно в середине XXI века быть таким пещерным динозавром. Как думаешь, Кассандра, удастся произвести некое подобие химического анализа на основании внешних данных?

– Кто знает? Возможно, какой-нибудь особый блеск...

– Пожалуй, придётся тебе съездить в Адуан в третий раз, – встрепенулась начальница.

– Третий? Да это сродни самоубийству! Ладно, посмотрим.

На том и порешили.

Глава 11

Форпост был предупреждён, что сегодня поместье посетит весьма неординарная барышня. У каждого охранника была её фотография. Скучающие мужчины с нетерпением ждали незнакомку, подробно обсуждая каждый сантиметр изображения.

– О, слышишь? – насторожился Томаш. – Кажется, идёт.

Со стороны леса, окружавшего поместье, послышался звук ломавшихся сучьев и отчаянной брани. Кто-то с трудом прокладывал себе дорогу сквозь чащу, кляня всё на свете. Поминалось всеу несовершенное мироздание, правительство и его законы, Адуан и его обитатели, особенности центральноевропейской фауны и флоры, запрет на вырубание лесов в этой части Европы, коварный нрав лесной растительности и многое другое. Минут через двадцать перед охранниками появилось странное существо.

Это была женщина лет двадцати пяти-двадцати восьми, высокая и капельку тучная. Из таких выходят хорошие характерные актрисы. Её наряд немного напоминал шутовской костюм, столько в нём было намешано. Некоторая полнота эксцентрично подчёркивалась, а внушительная грудь – первое, что бросилось охранникам в глаза – заявляла о себе с помощью сердцеобразного выреза (что не мешало её хозяйке утверждать, что она очень страдает от этого несчастья и пытается прикрыть его всяческими способами). Существо это походило на детёныша дикобраза, так как было покрыто мелкой сетью веточек, листьев и иголок, большая часть которых застряла в спутанных светлых волосах. Умные зелёные глаза внимательно осматривали охранников, выбирая, кого казнить первым за весь причинённый лесом ущерб.

– Ну наконец-то, лесную дивизию! – сказала она, тяжело дыша. – Так, как там это будет? Я гость. Приехать далеко. Вы ждате. Это я. Хозяин приказать. Он рад.

– Мы рады приветствовать миледи в нашем поместье, – вышел вперёд глава охраны, отвечивая женщине лёгкий поклон. – Считаю своим долгом предупредить вас о некоторой эксцентричности великого герцога, касающейся наименований: нам было приказано величать вас именно «миледи», и никак иначе. Вы можете оспорить это обращение непосредственно с его высочеством. Не обессудьте за сложную дорогу. Карета отправит вас напрямиком в замок. Может, вы хотите, чтобы мы выслали какие-нибудь распоряжения, пока не поздно? Касательно обеда либо же вашего отдыха...

– Святые Цукенберги! – изумилась девушка. – Я-то думала, что попаду в стаю горилл. Что вы делаете тут простым охранником?

– Мессир хорошо платит, – скромно улыбнулся польщённый Эдуард. – Он любит окружать себя предметами искусства, а оно нынче дорого стоит.

– Прелестно, весьма прелестно! – всплеснула руками гостя. – Отличная идея, нужно обязательно перенять. Выдрессировать своих болонок, чтобы те приносили мне кофе в постель, что ли? Было бы оригинально. А то эта система ДО-3 портит мне всю романтику.

– Не желаете ли чего-нибудь?

– Кого-нибудь. Кого-нибудь убить я желаю! Но вы мне, ребята, нравитесь. Дайте палку потяжелее, и я выскажу все претензии напрямиком Его... Как его там?..

Девушка тяжело плюхнулась на сиденье кареты, жалея, что Щитлер в своё время не сжёг эти чёртовы леса догла. Помещик, получивший извещение о том, что гостя уже в пути, перешёл в небесно-голубой зал для визитов. Это была любимая комната его отца, и хотя сам Дездем считал её крайне безвкусной (большей нелюбовью пользовался лишь охотничий зал), он, скрепя сердцем, решил встретить гостью здесь, чтобы не подвергать свой кабинет риску очередной кражи.

Раздался громкий гул шагов, перемежаемый резким смехом и мягкими возражениями дворецкого. В комнату решительно вошла девушка, успевшая наполовину нейтрализовать мас-

штабы лесного бедствия на своей брэнной плоти. За ней с подносом, на котором стоял стакан апельсинового сока, разбавленного водкой, плёлся Старк. Допив эту странную смесь до дна, посетительница вернула стакан на место и подмигнула управляющему, который тут же исчез в дверях. Джозеф поднялся.

– Многоуважаемая Милена Фальцоне! Рад приветствовать вас в моём гостеприимном имени. Я надеюсь, дорога не причинила вам чрезмерные неудобства?

– Да какая к чертям дорога! Это самый настоящий путь на Голгофу! Если бы я знала, что на самом деле вы имеете в виду под этим словом, я бы и пальцем не пошевелила. Сидела бы у себя на веранде и любовалась полётом чаек. Трястись полчаса в этом допотопном поезде, потом переться тыщу километров по лесу, собирая, аки пылесос, весь лесной хлам! Я чуть не упала в яму, чуть не наступила на ежа, чуть не зацепила рукой ужасного слизняка, чуть не задохнулась от запаха какой-то гнили, чуть не забрела в болото, чуть не... Клянусь Гейтсом, я слышала, что у вас тут плохо с электроэнергией, но я не представляла масштабы бедствия!..

– Прости её, Билли, – меланхолично заметил Джозеф, впрочем, достаточно тихо, чтобы не быть услышанным.

– Что такое, ваше высочество? Вас оскорбляет моя недостаточно патетическая речь? Идите ко всем чертям, после того, как вы подвергнули меня таким издевательствам, я имею право выражаться, как хочу. Вы же меня понимаете? Понимаете.

– В этом и проблема, – вздохнул великий герцог. – Я думаю, миледи, вы совершенно правы. Из-за меня вы ужасно натерпелись, поэтому имеете право вести себя, как сочтёте нужным. Я, собственно, ждал, пока поток ваших эмоций иссякнет и мы сможем приступить к нормальной беседе. Можете даже стукнуть меня чем-нибудь, если это вам поможет.

– Правда? – оживилась Милена. – Жаль, что я выбросила палку. Чёртова отходчивость, Нимда её подери!

– Справа от вас стоит замечательная статуэтка Будды, – с ноткой печальной обречённости заметил Джозеф.

– Отлично... Если вы позволите...

Тут девушка взяла увесистую позолоченную статуэтку и с азартом треснула помещика по темени (Джозеф, конечно, успел смягчить удар рукой). Она старалась не распоясываться, но великий герцог успел пожалеть о своей податливости.

– А ещё раз можно, ваше высочество? – сказала пришелица, радостно поблёскивая глазами.

– Имейте совесть! – строго ответил тот, потирая ушибленное место. – Я надеюсь, вы вполне облегчили свою душу, чтобы приступить к делам?

– На данный момент – вполне, – удовлетворённо заметила девушка, вальяжно развалившись на диванчике. – Но статуэтку я пока попридержу.

Милена Фальцоне была специалистом по делам любовным. Происходила она из очень бедной, но образованной итальянской семьи. В шестнадцать лет девушка познакомилась с одним голландским толстосумом, который умер в том же году, однако успел вписать её в завещание за какие-то особые, только ему ведомые заслуги. Столкнувшись с возможностью получить высшее образование, девушка поступила в престижный европейский университет на Факультет ассистирования при ретушировании, специальность «удаление веснушек». Правда, общественная и личная жизнь увлекала её куда больше. Весёлый и открытый характер, правдивость и эмоциональность, любознательность и дружелюбность привели к тому, что она обростала новыми знакомствами, как корабль полипами. Проведя последний курс в каком-то пьяном угаре, перемещаясь с вечеринки на вечеринку, Милена и сама не заметила, как не получила диплом. Обнаружив, что оставшихся средств не хватит на то, чтобы закончить обучение, она грамотно решила использовать открывшиеся возможности.

Милена не читала книг по психологии, однако интуитивно чувствовала людей, а умение внимательно слушать собеседника приводило к тому, что даже незнакомцы делились с ней сокровенными тайнами. Быстро смекнув, что самая насущная проблема для человека неразумного – поиск подходящей пары, как и всякая женщина, обладающая врождённым даром сводничества, Милена поняла, как ей выжить в этом суровом мире. Составив базу из своих многочисленных знакомых, она стала предлагать направо и налево свои услуги по подбору интимного персонала. Девушка старалась иметь дела с людьми богатыми, образованными или талантливыми, так что через пару лет на свои доходы купила дом на мальтийском побережье. Время от времени она выезжала в мир, чтобы завести новые знакомства и обновить старые. Некоторые богатые клиенты сами ездили к ней на Мальту, совмещая отдых на морском побережье с любовным трудоустройством.

Некоторое время они сидели молча. Аристократ не решался начать разговор, а мальтийка внимательно изучала собеседника.

– Я... я хотел бы начать с условий конфиденциальности. Я надеюсь, вы понимаете, что...

– Я понимаю, ваше высочество, – сказала Милена с едва заметной улыбкой. – Я полагаю, рекомендаций, которые вам предоставит любой мой клиент, с лихвой хватит для разрешения самых тяжких сомнений.

– Разумеется, – ответил Джозеф, не в силах скрыть лёгкое волнение. – Но, знаете, моя некоторая мнительность...

– Успокойтесь, – сказала девушка, кладя руку ему на колено, так что помещик непроизвольно одёрнулся. – Кстати, ваше высочество, мы не могли бы оттрапезничать прямо сейчас? Я, видите ли, дохну от голода, как умирающий суслик.

– Обед будет через полтора часа, – растерялся аристократ. – Но если вы настаиваете...

– Жуть как настаиваю. О делах можно поговорить и во время еды.

– Но ведь ничего не готово.

– Тащите всё, что есть. Я сейчас в таком состоянии, что съем полк кентерберийских солдат.

Через некоторое время в дверях появился Старк с внушительным подносом. На нём возлежали: недожаренное мясо утки, кувшин с водой, тарелка слегка испортившегося салата «Цезарь», небольшой графин с вином, двенадцать яблок, две буханки хлеба, а также оставшийся с утра омлет с томатами. Милена радостно потёрла руки и начала запихивать себе в рот всё по очереди, давясь, но радостно сверкая глазами. Великий герцог с тайным ужасом смотрел на эту вакханалию жизни.

Уничтожив содержимое подноса примерно наполовину, Милена благодушно развалилась на диване.

– Скажите, как вам живётся на Мальте? Я слышал, по ночам бывает довольно душно. Один мой приятель собрался провести там осень, и он думает, не будет ли...

– Да ладно, ваш высочество, сворачивайте шарманку.

– Спасибо, – вздохнул помещик с облегчением.

– Дайте мне лучше рассказать вам о методах своей работы, чтобы избежать недоразумений.

– Даю, – делая щедрый жест рукой, ответил Джозеф.

– Я считаю так, – начала мальтийка с самоуверенностью разлагающегося буржуа. – Отношения – это, по сути дела, математика. Не вышка, вполне себе обычная тригонометрия. Алгоритм тут весьма прост. Сначала надо понять, чего человек действительно хочет. Потом прикинуть, кем он на самом деле является. Всё.

– Если бы всё было так просто, на Земле бы не было одиноких людей, а быть свахой было бы выгоднее, чем добывать нефть в давние времена.

К чести Милены следовало признать, что она никогда не стремилась монополизировать рынок. Наоборот, ей казалось, что ремесло её – самое простое, и только нежелание проникнуться основными постулатами её концепции было главной причиной отсутствия успешных конкурентов. Она хотела сделать мир хоть чуточку лучше, поэтому с радостью делилась секретами мастерства со всеми желающими.

– Как мы с вами понимаем, ваше высочество, люди – непроходимые идиоты. Вы покажите человека, который не врёт самому себе, и я первая выброшусь из окна. Судите сами: если человек утверждает, что хочет долгой семейной жизни, он должен понимать, что сочетается браком с вполне реальным существом из плоти и крови, со своими достоинствами и недостатками, и что брак не сделает его жизнь райской, а только улучшит или ухудшит некоторые условия существования.

– Вы страшный человек. Вас определённо следует запретить, – сурово сказал Джозеф, которого донельзя резануло это «мы с вами».

– Чего же это? – спросила польщённая Милена.

– Вы плодите мещанство. Все эти поиски, барахтанья, цель которых – хорошо устроиться в жизни, присосаться к какому-нибудь добропорядочному гражданину... Это просто убийство духовных столпов какое-то. Если бы я когда-нибудь устанавливал диктатуру, вы бы первая пошли под расстрел.

– Да нет, – горделиво усмехнулась Милена. – Бурным страстям, настоящим чувствам у меня выделен сегмент бизнеса. Если ко мне приходит девушка с горящими глазами за ключиком от Страны Чудес, я не буду топить её в пучине домохозяйствования. Я состряпаю ей страсть. Это даже прибыльнее – чаще меняются партнёры, чаще требуется моя помощь.

– Вы так говорите про сильные страсти, словно грибы после дождя собираете. Люди ведь годами ждут, пока в их жизнь придёт сильное чувство...

– И напрасно. Лучше бы шли ко мне. Это легко, гораздо легче, чем кажется. Смотрите: если человек ищет семейного счастья, я внимательно изучаю его сильные стороны, его привычки и интересы, ценности и идеалы. Потом ищу человека похожего. Неплохо, если недостатки одного партнёра будут компенсироваться сильными сторонами другого, но лишь в самой малой степени, чтобы не возникало нездоровой зависимости. Главная проблема, которая возникает – сексуальное влечение. Крепкая дружба может перерасти со временем в сильную любовь, но как ты клиенту это докажешь? Приходится искать партнёра, с которым возникло хотя бы минимальное притяжение, а потом насильно затаскивать человека под венец. Со временем разберутся.

В комнату вошёл Старк с двумя чашками кофе.

– О, Старк, дорогуша! – воскликнула Милена, хватая его за рукав, в результате чего тот чуть не опрокинул поднос. – Мы почти не знакомы, а я тебя уже люблю. Принеси-ка чего-нибудь вкусенького поесть, дружок? А то я что-то проголодалась.

Пока помещик изучал оставленное дворецким письмо, тот забрал с кухни остатки недоёденного торта.

– Шпашибо, большое шпашибо, – обрадовалась девушка, сразу отправляя в рот большой кусок.

– Хорошо. Про семейную идиллию мне понятно, но страсть? Не сродни ли это чувство морскому шторму, возникающему из ниоткуда, налетающему внезапно, сбивающему с ног и невозможному для обуздания?..

– Глупости, – заявила жительница Мальты, с трудом раскусывая вишнёвую косточку.

– А! Вы что же, берёте у каждого пациента феромоны, обрызгиваете ими мебель и ждёте, пока подходящий человек сядет именно на тот или иной стул?

Милена чуть не поперхнулась.

– Это где вы таких ужасов нахватались, ваше высочество? Так работают только какие-нибудь древние бабки а-ля Патриции Мур. Нет, тут всё не совсем так. Надо понять базовый страх человека, вычленив его главную проблему. Кто-то переживает от того, что недостаточно весел, не может стать центром компании; кто-то боится нищеты; кто-то комплексует по поводу внешности; кому-то очень скучно жить; кто-то желал бы иметь огромный интеллект... Соответственно, нужно найти человека, рядом с которым этот базовый комплекс исчезал бы. Человеку кажется, что если он владеет кем-то, то и сам перенимает его добродетели... Забитому, скромному, склонному к чрезмерной интеллектуализации парню я ищу весёлую и яркую красавицу; страдающей от нужды девушке – богатого принца; поверхностно мыслящей персоне – учёного умника и т. д. Года на три их хватает. Ну а потом они опять приходят ко мне, – добавила мальтийка с плотоядной улыбкой.

Помещик в молчании допивал свой кофе, пока настенные часы со снегирём отбивали три часа дня.

– Самое забавное в моей работе, – решила нарушить тишину девушка, – это подбор внешности. Обычно я смотрю так: если человек себя не любит, я ищу ему противоположный тип внешности. Если любит – очень похожее лицо. Такие милые пары порою получаются!

– Неужели, пользуясь подобной системой, вы действительно работаете успешно?

– Конечно! В 60% случаев я подбираю именно то, что надо клиенту. В 20% – что-то более-менее подходящее. Ну а оставшиеся двадцать... – вздохнула она, – это что-то неконтролируемое.

– Вот как?

– Ясное дело! Иначе я бы почувствовала себя Богом. Но всегда что-то такое происходит, что не поддаётся логическому объяснению. Ты сводишь людей, представляя, какой торт будешь есть на их свадьбе, а они даже глазом не моргнут при встрече. Или в процессе поиска влюбляются в вариант, который ты бы и в страшном сне не порекомендовала.

– Жизнь есть жизнь, – заметил Джозеф. – Однако вы... Как бы это получше выразиться... Сапожник без сапог.

Милена была известна бурными романами, редкий из которых доживал до полутора лет. Впрочем, однажды она засветилась в трёхлетней связи с одним французским банкиром, старше её на семнадцать лет, который даже сделал ей предложение. Однако наличие нескольких параллельных романов с обеих сторон служило плохим фундаментом для так и не состоявшегося брака.

– И что? – не без грусти возразила Милена. – Такова плата за успех. Наличие понимания того, как должны строиться отношения, и умение их строить – вещи прямо противоположные.

– Извините, – тихо добавил аристократ. – Не желаете ли отведать ещё чего-нибудь?

– Спасибо, пока что я наелась, – весело ответила девушка. Ей вообще было несвойственно надолго задерживаться в одном эмоциональном состоянии.

– Тогда, с вашего позволения, приступим к делу, по которому я вас вызывал, – начал великий герцог. – Данные касательно того человека, который меня интересует, я выслал. Я надеюсь, вы уже начали размышлять относительно того, кто мог бы подойти?..

– Очень смешно, ваше высочество, – грозно ответила Милена, вытягивая губы трубочкой и стягивая щёчки.

– Разве? – рассеяно спросил тот. – Мне казалось, что этот прискорбный случай...

– Очень смешно поручить мне человека, которогонет в природе. Выкладывайте свои истинные намерения. Право же, если вы решили, наконец, покончить с одиночеством, не надо этого стесняться!

– Я не понимаю вас, миледи!

– Данных на этого человека просто нет. Нигде нет. Я уж было подумала, что мой компьютер сошёл с ума, и попросила одного знакомого подкараулить её на улице. Что вы думаете? Он щёлкнул гельсом², но тот оказался совершенно пуст!

– Поразительно, – прошептал поражённый аристократ.

– Я и говорю. Это что, робот какой-то? Ладно, ни у кого из жителей Адуана нельзя профайл прочитать, но это ваш выбор – сидеть в этом ужасном болоте. Но чтобы файл был пуст... Это точно рядовой работник министерства, вы уверены? У меня самой огромные проблемы с профайлом – информация сама собой удаляется через три дня, но я постоянно вожусь, чтобы поддерживать его в приличном виде. А то ведь по улицам ходить невозможно. А ваша бабёнка разгуливает – и ничего.

– Ничто не предвещало беды, – глухо заметил помещик. – Ладно, нам принесут её фотографии. Вы надеюсь, прихватили с собой что-нибудь интересное?

– Ну конечно, – пробурчала девушка. – Ехать в ваш каменный век... Пришлось мою базу помучить.

Джозеф дернул за шнурок, и на его зов пришёл Старк.

– Вот, смотрите, – сказал помещик, протягивая посетительнице фотографии. – Это всё, что есть.

– Ух ты, настоящая бумага! – мальтийка некоторое время сосредоточенно рассматривала изображения. – Представляю, сколько денег и сил вы убили на то, чтобы её раздобыть. Впрочем, всё это немногим лучше того, что есть у меня.

– Как я вам говорил, это троюродная сестра моей матери. Родство наше опасно афишировать публично, но тем не менее я принимаю активное участие в жизни девушки. Можете назвать меня мракобесом, но моя семья всегда считала, что женщине положено выйти замуж не позднее сорока лет... Это наша, так сказать, семейная традиция.

– Но ей ведь всего лишь двадцать пять, как вы мне писали!

– Да, но пока мечта сделать карьеру окончательно не развеяла ей внутренности, я хочу подтолкнуть её в нужном направлении. Показать, что есть другой мир, полный порхающих бабочек и алеющих закатов...

– Понятно, – грозно ответила Милена, второй раз округляя губы и втягивая в себя щеки.

– Если бы вы помогли... Скажем, отвлек её от текущих дел...

– Даже непонятно, – заметила девушка, – как человек, в чьём мозгу зародился такой забавный план – уничтожить интернет – мог опуститься до таких мерзостей?

– Как?! – вскричал помещик, опрокидывая на себя чашку кофе.

– Подумаешь мне тоже – тайна великая!

– Вот и разрабатывай после этого секретные операции, – пробормотал Джозеф, лихорадочно проводя рукой по лбу. – Если я ещё раз услышу что-нибудь подобное из уст малознакомого человека, я проведу остаток дней своих в бочке, как Диоген.

– Отлично! Замок, чур, достанется мне.

– Если со мной что-нибудь случится, я обещал подарить его Старку. Скажите, у вас есть предположения относительно того, кто мог бы развеять одиночество моей родственницы?

– Поймите, ваше высочество, – с металлическим звоном в голосе отчеканила Милена, – в моей работе необходимо быть честным во всём. Рассказываете свои байки какой-нибудь слабоумной свахе вроде Инги Борхе. Зачем вы попросили меня приехать сюда? Может быть, вы хотите тайком подобрать пару вашему очаровательному дворецкому? Расширить родословную вашего щенка, о котором я весьма наслышана?

² Гельс – браслет, содержащий профайл с информацией о человеке: дата рождения, семья, предпочтения, интересы, болезни, судимости и т. д. Чтобы посмотреть профайл другого человека, достаточно щёлкнуть специальной указкой, прикреплённой к гельсу, – и появляется экран с информацией. Все жители СШЕ были обязаны носить гельсы с трёх лет.

– Плодиться в моём имении запрещено даже Тоби. А цель вашего визита действительно связана с этой девушкой.

– Вот как? – спросила Милена, беря в руки фотографию. – Она, что же собирается отбить у вашего высочества кого-нибудь?

– Боже упаси, – вздрогнул помещик.

– Я не понимаю вас... Вы то ли хотите значительно улучшить ей жизнь, то ли окончательно испортить. Зачем?

– Просто так, – замялся великий герцог.

– Видите ли, – претенциозно заявила Милена, – если вы неправильно сформулируете цель своего обращения ко мне, то результаты могут оказаться не совсем такими, какими ваше высочество хотело бы их видеть.

Джозеф наклонился вперёд и опёрся руками на колени.

– Я хочу, чтобы эта девушка позабыла обо всём на свете на ближайшие месяцев пять, – медленно произнёс он.

– О, тогда вы обратились точно по адресу! Она, что же, знает что-то касательно ваших проектов, чего знать не должна?

– Сеньорита Фальцоне! – воскликнул помещик. – Прошу вас, не упоминайте больше о моих проектах. Когда я слышу что-нибудь подобное, мне сразу хочется нанести вам тяжкие телесные увечья.

– Ладно, ладно, – сделала Милена успокаивающий жест. – Хотя в этом смысле я бы посоветовала вашему высочеству подумать о беременности.

– Спасибо, но я боюсь испортить фигуру. Нет, тут придётся прибегнуть к изнасилованию, а гарантии того, что она оставит ребёнка, полученного таким образом, нет. К тому же, возможные проблемы с зачатием никто не отменял. И вообще, такие методы слишком жестоки даже для меня.

– Что ж, как насчёт её пристрастий в личной жизни? Опишите её характер.

Джозеф недовольно нахмурился.

– Характер как характер.

– М-да, – вздохнула Милена. – Опять всё придётся делать за вас. Ох уж эти мужчины, так и ждут, чтобы сесть на шею слабому беззащитному созданию вроде меня.

Глава 12

Кассандра возвращалась домой после полуденной прогулки. Хотя гулять по городу было не совсем модно, она по старинке прошла по магазинам, где ещё работали живые консультанты. Здесь, в Праге, этой шкатулке с древностями, таких заведений было несравненно больше, чем в любом другом европейском городе.

Март окреп и уверенно вступил в свои права. Иногда Кассандра замуривалась, делала глубокий вдох и замирала, пытаясь вобрать в себя те моменты счастья, которые, как лёгкий ветерок, приходят сами по себе и также незаметно улетучиваются. Вдоволь наглотившись мартовского солнца, девушка пересекла Вацлавскую площадь и направилась к себе домой.

Когда до заветной цели осталось всего ничего, откуда-то из-за угла вынырнуло странное создание предположительно женского пола. В длинные светлые волосы были вплетены золотые кусочки ткани, расшитые бисером и переливавшимися на солнце бусинками. Её длинная красная юбка была испещрена чудовищными бледно-фиолетовыми цветами. Женщина эта носила такой узкий корсет, что походила на перетянутую колбаску, и её обильным достоинствам было тесно в столь узких рамках.

Немного нервничая, Кассандра стала идти быстрее, однако незнакомка, внушительная, осанистая, плывущая, словно каравелла, и без разбора сметающая всё на своём пути, шла настолько уверенно, что было понятно, что столкновение неизбежно.

Кассандра резко открыла дверь калитки, но женщина положила ей руку на запястье и преградила путь. Голова девушки немного закружилась от большого обилия блёсток и ярких элементов.

– Стой, – внушительно сказала странное существо. – У меня есть для тебя важное послание.

– Вот как? – немного растерялась Кася.

Эта женщина источала странную гипнотическую силу. Кассандра начинала медленно погружаться в дрёму, и воля её цепенела.

– Да. Это касается человека, который тебе дорог. Пойдём в дом. Здесь не место.

Повинуясь отрывистым фразам незнакомки, Кассандра пошла по дорожке, ведущей к дому, пустив женщину за собой. Волевым усилием девушка отогнала мыслительную немощь, однако всё равно пустила незнакомку внутрь и усадила её на диван в гостиной, а сама встала напротив.

– О чём вы хотели поговорить со мной?

– Это касается того, кого ты любишь.

– Да? – изумилась Кассандра. – Кого же?

– Того, кого уже нет в живых.

– Да? – нахмурилась девушка. – Дайте подумать... Быть может, быть может...

– Я медиум, разговариваю с духами. Он просит передать тебе, что всегда будет рядом с тобой, что бы ни случилось. Он благодарен тебе за всё, что вы пережили вместе. Он говорит, чтобы ты не винила себя в его смерти.

– Да? – пробормотала Кассандра. – Очень благородно с его стороны.

– Он говорит, что видит твои страдания и ему очень больно от того, что ты так часто думаешь о нём.

– Иммануил всегда был таким чувствительным, – вздохнула Кассандра.

– Он передаёт мне, что пытается общаться с тобой, пытается делать так, чтобы не унывала. Ты получала какие-либо странные знаки, сигналы?

– Да, – ответила Кассандра через некоторое время. Она даже начала немного волноваться. – Вы знаете, я вчера сидела в тишине, медитировала, а потом – бах! – и с журнального

столика как упадёт кружка с чаем, хотя я её и не трогала. А неделю назад у меня пропало электричество минут на семь.

– Это всё его способы напомнить, что он слышит и любит тебя. Такими шалостями он даёт знать о себе.

– Спасибо, – капельку прослезилась Кассандра. – Я буду помнить.

– Он говорит, что понимает, что навсегда останется в твоём сердце, но он был бы счастлив, если бы ты нашла ему замену.

– Я думаю, пока рано говорить об этом, – нахмурилась девушка.

– Он убеждает тебя – о, если бы ты слышала его пламенную речь! – что ты не должна бояться, что кто-то новый вытеснит его из твоего сердца. Он говорит, что был бы доволен, если бы рядом с тобой появился тот, кто сделал бы тебя счастливой. Ты могла любить бы их обоих.

– Конечно, могла бы. В чём вопрос?

– Он говорит, что боль твоя со временем пройдёт. Это сейчас тебе кажется, что она останется кровоточить в твоём сердце навечно. Но со временем рана затянется, и ты сможешь испытать даже более сильные чувства.

– Уже испытываю, – невозмутимо добавила девушка.

– Он говорит, что рад, что достучался до тебя, что эта встреча была неслучайна, что он видит, как с твоей души упал огромный груз. Он обещает, что придёт к тебе на этой неделе во сне. Он скажет что-то очень важное.

– Да? Сложновато Муне будет это сделать.

– В небесном мире нет ничего невозможного. Он просит, чтобы ты приготовила и поставила на порог его любимое блюдо. Ему было бы приятно получить от тебя этот знак внимания и заботы.

– Вот эгоист!

– Он любил читать, ведь так?

– Нет.

– Я не имею в виду серьёзную литературу. Это могут быть комиксы, анекдоты... Новости в Фэйспуке...

– Нет.

– Он показывает мне, как будто читает что-то. Не знаю, может, я неверно расшифровываю этот знак.

– Может.

– У тебя есть предположения касательно того, что он хочет этим сказать?

– Нет.

– Странно... Я вижу это так явно... Вот он читает что-то... Потом морщится, и перед ним возникает телеэкран. Он, наверное, показывает мне, что в жизни гораздо больше любил смотреть на телеэкран, чем читать. Так?

– Нет.

– Ладно, посмотрим дальше... Вот он смотрит телеэкран... Потом зевает... Потом качает головой, и экран исчезает. Теперь я вижу, как он спит. Он гораздо больше времени спал, чем читал или смотрел на телеэкран?

– Пожалуй, – засомневалась Кассандра.

– Вот! Отлично! Показывая свои отличительные особенности, дух подтверждает, что на связь вышел именно он. Я вижу, как он безмятежно спит... Как красиво подрагивают его реснички во сне! Ага! Сейчас я вижу, как будто он хмурится. Мне тяжело дышать, мне страшно, я как будто лечу в пропасть, я задыхаюсь. У него бывали ночные кошмары?

– Не думаю.

– Бывали, можешь не сомневаться. О! Теперь он показывает мне свою смерть. Мне плохо, очень плохо. Внутри всё болит. Он умер не мгновенно, но достаточно быстро, успев долго помучиться перед смертью.

На последней фразе Кассандра невольно поморщилась, что придало медиуму новых сил.

– Это было ночью – многие так думают – но на самом деле это было днём. Я чувствую, как будто мне не хватает воздуха и очень болит голова. Это как-то связано с внутренними органами. Авария, несчастный случай, катастрофа – не это было причиной его гибели. Насильственная смерть, ограбление, нападение – тоже не этот случай. Он умер сам!

– Верно, – вздохнула девушка.

– Сегодня отлично информация идёт! Это было дома?

– Да.

– И тебя не было рядом, чтобы поддержать его?

– О да.

– Он говорит, что ни в коем случае не винит тебя. Ему всё равно, что вы не попросились.

Он и так видит тебя на Небесах и знает всё, что чувствуешь и о чём думаешь.

– Какой ужас, – вздрогнула девушка.

– Я вижу, как он подходит к тебе, чуть обнимает, гладит по голове, потом подносит своё лицо к твоему и как будто целует...

– Что?! – грозно спросила Кассандра.

– В лоб, очень ласково...

– Как попугай может целовать меня в лоб?

Странная женщина от удивления откинулась назад.

– Чего?!

– Иммануил – это мой волнистый попугай, которого я назвала в честь Канта. Я учила выговаривать его «трансцендентальная апперцепция», и он успел зазубрить примерно половину. К сожалению, уезжая однажды в командировку, я забыла настроить программу, которая кормила бы его, так что Муня умер голодной смертью. Я ценю его заботу обо мне, но клевать меня в лоб на прощание – это как-то уж слишком.

– Вы сейчас меня неправильно поняли. Мы говорим не о Муне. В комнате присутствует ещё один человек, старше вас. Вот он стоит возле лестницы. Не видите? Ну, вот же он! Правильно, вы человек, вы не видите. А я медиум, я вижу. Не спорьте с медиумом!

– Нету у меня умерших знакомых или родственников старше меня, – процедила сквозь зубы девушка. – Выметайтесь вон.

– Есть! Обязательно есть! Кто-то из друзей ваших друзей, который не пришёл вам на ум сразу. Подумайте хорошенько.

– Не собираюсь я думать. И родственников умерших у меня тоже нет. До свидания.

– Всё, теперь я понимаю, – протараторила женщина, цепляясь за последнюю возможность. – Это ваш прапрапрадед. Он одет как-то по-старинному. У него седые волосы и добрая улыбка...

– Не было у меня прапрапрадеда, – сложив руки на груди, серьёзно ответила Кассандра.

– Вы что же, существовали на этой земле всегда? И мама вас не рожала? И вашу маму никто не рожал? Вы, должно быть, появились на свет сразу двадцати пяти лет отроду, так сказать, автономно зародились?

– Как ни странно, но именно так, – меланхолично заметила девушка. – Спасибо нужному колесу...

Упоминание колёс несколько прояснило Милене сложившуюся ситуацию.

– Очень жаль, – ответила та, поднимаясь с места. – Тогда вы, видимо, не нуждаетесь в моих услугах.

– Передайте Иммануилу, пожалуйста, чтобы он не волновался за меня. Сердце моё всегда открыто для новых отношений.

Мальтийка понимала, что нужно было идти, однако застыла в гостиной, как вкопанная.

– Чего вы ждёте! А, конечно же! – и Кассандра порылась в сумке и с презрением швырнула ей в ноги карточку. – Извините, сразу деньги на ваш счёт я перевести не смогу – ваш профайл почти не заполнен. Как это вас не оштрафовали ещё? Торопитесь: на такую сумму влетите, что за всю жизнь не расплатитесь. Вот, возьмите хотя бы эту карточку.

Милена нагнулась, подняла карточку и спрятала её в один из потайных карманов юбки.

– Ну, чего вы стоите?! Что вам ещё от меня нужно?

– А у вас нет чего-нибудь поесть? – жалобно протянула женщина.

– Ах, боже мой!..

Кассандра щёлкнула пальцами и на всплывающем меню выбрала макароны с саранчой. Из кухни была доставлена достаточно большая миска. Милена с радостью взяла её, поблагодарила девушку и, чавкая, направилась к выходу.

Глава 13

Левая часть Адуана была стилизована крайне интересным способом. Она содержала так называемый «разноцветный ансамбль», разработанный специально для семейства цу Гундер-Балленштайнов итальянским дизайнером Антинолли. Каждая из восьми комнат по обстановке была идентична другой, разница заключалась лишь в цвете. Здесь были бардовая, бирюзовая, оранжевая, белая, пурпурная, малахитовая, бежевая и фиолетовая комнаты. В зависимости от настроения Джозеф находился в одной из них, где занимался строго определённым делом. Сейчас в бирюзовой комнате проходило совещание по результатам общения с духами.

– По крайней мере, меня угостили вкусной лапшой, – самодовольно заявила Милена, откусывая большой кусок черничного пирога. – И денег даже дали на дорожку. Так что всё прошло достаточно удачно.

– Смысл вашей поездки только не прошёл. В дверях застрял, – мрачно заметил великий герцог.

– Ну да, – заметила Милена, доедая свой кусок и сиротливо оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь съестного. – Вот уж не ожидала, что не смогу развести человека старым дедовским способом! Шельма! Закрылась и молчит! Ни одного рыдания не увидела! Между прочим, ваше высочество, мне кажется, что у неё не всё в порядке с головой. Вы уверены, что она наркотики не употребляет?

– Нет, – нахмурился помещик. – По сведениям, которые мне удалось раздобыть в Министерстве, она к этому относится крайне отрицательно, я бы даже сказал, фанатично отрицательно.

– Забавно, – оживилась девушка. – Это даёт мне определённую пищу для размышлений. Знаете... Учитывая ещё то, что я подметила у неё дома... Думаю, нам будет с чем поработать.

И она самодовольно захлопнула папку с той личной информацией, которую они с Джозефом смогли наскрести.

Глава 14

Спустя два часа после ухода нежданной гостьи Кассандра все ещё сидела на диване в гостиной и смотрела перед собой. Элен обещала выйти на связь, однако, как истинный начальник, слегка задерживалась. Позвонить ей девушка не могла, так как Элен считала, что это унижает её начальственное достоинство.

Наконец, перед ней, моргая и периодически давая сбои в изображении, возник экран.

– Как дела? – взбудоражено спросила Аримат.

– Ужасно, – ответила Кассандра.

– Ну и хорошо. Слушай, мы получили важную, очень важную новость! Хочешь знать, какую?

– Нет. Можно попозже? Голова что-то болит.

– Так вот, пляши! Наши братцы из отдела дешифровки разгадали загадку листка из медальона! Умницы, ребятки, молодцы! Надо им коробку конфет подарить!

– У них же аллергия на шоколад.

– У меня тоже! Как раз лишняя пачка завалилась. А хочешь знать, что они обнаружили?

– А у меня есть выбор?

– Так вот. Эти треугольники, разделённые на три части – это горы. Кружочек – это убежище в горах, где могут прятаться террористы или прятать свою технику. Полоски внутри треугольников показывают ландшафтные зоны.

– Потрясающе, – равнодушно ответила Кассандра.

– Далее: длинная черта, перечёркнутая мелкими линиями, – это дорога к горам. Линии могут означать места для отдыха, кафешки, заправки, либо же основные пункты переправы. Волнистые линии по периметру листа – это реки или моря. Та-дам! Пляши!

– Та-дам, – вяло повторила девушка.

– Далее: «баланда, макраме, графоман» – это клички преступников либо, как настаивает Педро Савельев, пароли для входа. Знаешь, чей там флаг? Кирибати. Помещичек у нас в кармане!

Мысли Кассандры, казалось, витали где-то далеко от Праги и уж тем более от Кирибати.

– Послушай, Элен, ты не могла бы сделать для меня кое-что?

– Исключительно в рамках служебных полномочий, – лукаво ответила та.

– Я попробую нарисовать одного человека... Не могла ли бы ты поискать его по базе?

– А камеры что, его не видят?

– Ах, точно! – хлопнула себя по лбу Кассандра.

– Ты как будто в XX веке живёшь, честное слово.

Девушка вздрогнула и порывисто обернулась. У неё возникло чувство, что огромный призрак Муни стоит за её спиной и хочет действительно клюнуть её в лоб.

Глава 15

Суббота 18 марта выдалась удачной. Это был единственный день, который Кассандра решила полностью посвятить себе. Чтобы отвлечься от рабочих хлопот, она записалась в один из лучших спа-салонов Праги.

Однако привычных вежливых девушек-администраторов сегодня почему-то не наблюдалось. На входе её встретило существо, променявшее гордое звание человека на кичливый ярлык самца. Джомолунгма прекрасных мускул, гроза тореадора, Перун нового времени – само воплощение жизни, в каждом движении которого сквозила невероятная сила. Его загорелая кожа, казалось, вот-вот треснет, и богатейший внутренний мир обрушится на окружающих лавиной из крови и мяса.

Кассандра застыла на пороге, боязливо озираясь по сторонам в поисках иных представителей своего биологического вида. Возникало ощущение, что салон вымер.

– Я сегодня твой, – томным голосом заявило языческое божество. – Прекрасн девушка, красив, как я. О мой бог, какой красивый!

Хотя вера в Создателя давно вышла из моды, упоминание его имени считалось особенным шиком у претендующих на интеллектуализм, ибо должно было подчёркивать их глубокие знания истории и оригинальный вкус.

– Здравствуйте, – вяло ответила Кассандра.

Инопланетное существо медленно направилось к ней. По его нахальному взгляду и слащавой улыбке, по тому, насколько приподнят был его подбородок и как лениво перекачивались мускулы на полубогажённом теле было понятно, что любовь Тристана и Изольды – жалкая пачкотня на фоне той внеземной страсти, которую этот мужчина питал к самому себе.

– Дик, – представился он, нагло приобнимая девушку за талию. Казалось, Кассандра должна была упасть в обморок от одной только мысли, что он смог снизойти до неё, простой смертной.

Растерявшись, девушка позволила увести себя в раздевалку, но захлопнула дверь перед гориллой и настойчиво дала понять, что в компании не нуждается. Оставшись наедине, она подумала, что салон решил преподнести дамам сюрприз к празднику с опозданием на десять дней. С удовольствием разнежившись в гамма-лучевой сауне, девушка решила смыть остатки сомнений в джакузи. Прележав в бурлящей ванне минут семь, Кассандра открыла глаза из-за странного шума. На неё уставились воловь глаза Дика, который успел занять позицию напротив. Девушка ойкнула и собралась было покинуть джакузи.

– Сидеть, – властно сказал он. – Мы двое. Приятно. Рад общаться.

– Я, пожалуй, всё-таки пойду, – пробормотала Кася.

Как сложно бывает отказать властному мужчине! Не желая его обидеть, Кассандра так и осталась сидеть в джакузи, немного нервничая. Разговор отчаянно не клеился, чего мачо-мэн, казалось, не замечал.

Минут через десять в зал вошли четыре девушки модельной внешности. Весело щебеча, они нагло залезли в джакузи и облепили Дика. Каждая пыталась завладеть его вниманием, однако тот страстно продолжал смотреть лишь на Кассандру. Почувствовав себя ещё более неуютно, девушка подорвалась и почти бегом бросилась к раздевалке.

Она уже почти было вышла из салона, как в дверях её настиг Дик.

– Стой, – приказал он, схватив её за руку. – Ты красивый уходить? Говорить связь. Я звонить.

– Я молчать, – почти взвизгнула Кассандра, вырывая руку и выбегая на улицу.

В 12:15 у неё была назначена деловая встреча. За столиком в кафе девушку ждал ослепительный молодой человек – Серж Волконский, потомок многовековой династии, произво-

дящей военную амуницию. Высокий брюнет с бирюзовыми глазами и тонкими чертами лица, прямой осанкой и аристократичными жестами казался её усовершенствованной версией в мужском варианте. По-джентельменски поприветствовав даму и поболтав о погоде, он приступил к основной теме разговора.

– Вы знаете, в моём доме завелись мыши. Только вот мне кажется, что мыши эти непростые. К своему удивлению я обнаружил, что они также обладают прикрепленным профайлом! Мне кажется, это роботы, которые крадут ценную информацию в моём доме. Вы не могли бы проследить по своим каналам, что бы это могло быть?

– Очень странно посылать на шпионаж роботов со светящимся профайлом, – в раздумье почесала висок Кассандра.

– Так ведь никому бы и в голову не пришло проверять профайл мышей. Мой дом настолько автоматизирован, что высветил их самостоятельно.

– А убить их тапком вы не попробовали?

– Что вы такое говорите! Я убеждённый пацифист и защитник животных. Вот если бы они случайно отравились ядом, сами... Но знаете, я, во-первых, не знаю, являются ли эти организмы полностью роботами или частично мышами, а, во-вторых, боюсь последствий. Вдруг вещества, содержащиеся в яде, приведут к каким-либо мутациям?

– Да уж. Странно, очень странно. Запрос в соответствующую инстанцию мы, конечно, направим. Для начала стоило бы посмотреть на этих мышей лично.

– Знаете, – нахмурился молодой человек, – пока это решительно невозможно. У нас гостит важная делегация... Партнёры моего отца по бизнесу. Как только они уладят все дела, я тотчас же приглашу вас в свою резиденцию.

– Хорошо, – спокойно ответила девушка. – Тогда разрешите откланяться, пан Волконский.

– Стойте! За мной приедут через час. Мне решительно не с кем скрасить своё одиночество. Если бы вы были настолько любезны, что остались бы со мной, я был бы вам чрезмерно признателен.

– Ох, не знаю... – растерялась Кассандра. – Мне нужно быть в отделе по борьбе с недобросовестной рекламой через час.

– Умоляю вас!

– Хорошо. Если только на полчаса.

Волконский оказался удивительно приятным собеседником. Оказалось, что его интересует то же, что и Кассандру. Он как будто предугадывал её мысли и высказывал их раньше, чем те зарождались у неё в мозгу. Спohватившись, что прошло больше часа, девушка быстро засобиралась в дорогу.

– Давайте я подвезу вас! – взмолился Серж. – О нет, не возражайте! Я чувствую вину за то, что вынудил вас потратить время на мои глупые запросы.

Когда машина уже подъехала к министерству, Кассандра с сожалением обнаружила, что настало время прощаться с удивительным собеседником.

– Я надеюсь, вы не откажете мне в повторной встрече? – с лёгкой грустью заметил он. – Было бы неприятно терять человека, с которым я впервые за долгое время ощутил такую душевную близость...

– Всё может быть, – радостно ответила девушка, выпархивая из машины.

Глава 16

Уже в оранжевом зале, Джозеф и Милена обсуждали начавшееся предприятие.

– Я пробую самые разнообразные карты, – сказала мастерица любовных дел. —Хоть на кого-то, да клонет... Ваша Кася, как существо низкопримативное, вряд ли оценит по заслугам наглую самоуверенность мускулистых самцов. Но на всякий случай я пытаюсь подобрать ключик, чтобы выпустить её животную сущность наружу, используя самцов разной степени доминантности. Это дешевле.

– В вас определённно есть что-то фашистское.

– А ещё у меня есть пиковый король, мой козырь. Даже нет, какой король – джокер! Он стоит десяти колод.

– Что вы имеете в виду? – спросил великий герцог, органически не переносивший карточных игр. Ему было сложно врать и притворяться ради таких пустяков, как выигрыш в партии.

– Я имею в виду Антона Преображенского. Это русский аферист, который вот уже как двенадцать лет обосновался в Париже. Удовольствие, конечно, не из дешёвых: одна процедура удаления данных из профайла и внесения туда ложных сведений, сами понимаете, дорого стоит. Но он отыгрывает каждый вложенный цент, разрази его Цузе! Это червь, наносящий органические повреждения мозгу женщин. У них была пробная встреча, он заверил меня, что всё прошло на высшем уровне. Если она не клонет на него, то я даже не знаю, чем можно протаранить этот бастион.

– Вот видите, мессир, – бодро протараторил Старк, заглядывая в комнату. – Всё идет самым лучшим образом.

– Тревога моя не гаснет под наплывом фактов и аргументов, а только разгорается синим пламенем, – меланхолично ответил помещик.

– Выкиньте её за борт! Камень на шею – и на дно! Твоего Касперского, будь у меня ваши возможности, я бы совсем по-другому проводила время! Махните на Лазурное побережье, развейтесь! Вы бы видели, какие там женщины!.. Ммм... Какие ноги, какие бёдра, какие груди! Да была бы я мужчиной...

– Его высочеству нежелательно покидать пределы Адуана, – приструнил девушку Старк со всей доступной ему строгостью.

– Ах, замолчите, старый брюзга! Свою молодость упустили, так не мешайте хозяину наверстывать упущенное! Играну-ка я в открытую: какой вам прок от моей деятельности? Между нами, девочками, мне как-то неудобно дурить ваше высочество и брать с вас деньги за бесполезную работу. И кстати... Вы не подумали о том, что сильное потрясение может активизировать её мозги, если до того они были в спячке?

– Вы думаете?! – странно дёрнулся помещик. – Царство мрака надвигается на меня. Я попал в какой-то кафкианский кошмар. Старк! Надо было установить в Адуане невъездной режим.

– Да убейте вы её к чертям собачьим, чего мучиться-то? – возмутилась Милена. – Развели какие-то нюни, всего делов-то.

– Я дал себе слово использовать такие методы лишь в исключительных случаях, если буду уверен наверняка, что иного выхода нет, – нахмурился великий герцог.

– Идти на войну без оружия? Что за полумеры? Не понимаю я этих благородных штук. Ни туды и ни сюды.

– Вы, правы, тысячу раз правы! – взволнованно взъерошил волосы аристократ. – Почему это я раскис, как тряпка? Пожалуй... Для начала следует навестить фонд доблестного Фрэнсиса Маккоя. Что мы имеем? На одной чаше весов – прозрачная опасность, угрожающая моим

планам. На другой – жизнь человека и карт-бланш в руках у этого учёного кретина. Мне нужно взвесить все за и против.

Дворецкий заломал руки и начал носиться по комнате, поминутно причитая и угрожая хозяину всеми муками Преисподней, если тот рискнёт покинуть пределы поместья. Чиня всяческие препятствия, Старк приказал слугам делать всё медленно и незаметно портить вещи аристократа. Джозефу пришлось заявить, что он уволит всех к лешему, несмотря на высшее образование, чтобы не терпеть подобный хаос, и дело было сделано.

Глава 17

В тот день, 20 марта, Элен и Венера зашли за Кассандрой, чтобы отправиться в цирк. Походы эти были призваны укрепить корпоративный дух, поэтому отнюдь не воспрещались начальством.

Когда они выходили из дома, обезьяноподобные рабочие, чинившие мостовую, заметно оживились. Они уставились на Кассандру и начали по очереди развешивать ей изысканные комплименты.

– Чика-чебурек!

– Я твой герой!

– Бусь-бусь!

– Зая!

– Чпок-чпок!

– Подходи, не обижу!

– Солнышко встаёт – наша Кася тут идёт! – радостно сообщил младший из рабочих, потративший на заучивание этого текста минут десять.

Девушка вздрогнула и ускорила шаг.

– Ого! Настоящие живые рабочие! – радостно воскликнула Венера. – Прямо как в музее, я недавно фотографии видела!

– Что это за вакханалия? – удивилась Элен.

– Сама не знаю, – шёпотом ответила Кассандра, не снижая темп. – Это очень странно. Ты же знаешь, я никогда не пользовалась сверхъестественным успехом у лиц противоположного пола.

– Ну ещё бы.

– А тут они как будто с цепи все посыпались. Что им от меня надо? Этому должно быть логическое объяснение.

– Может, ты всё-таки начала пользоваться шампунем с феромонами, что я тебе подарила? – с надеждой спросила Венера.

– Даже не подумаю.

– Ну что ты хочешь, – философски заметила Элен. – Весна...

В цирке «Соплей» было достаточно шумно. Спрос на представление стоял потрясающий, и это несмотря на то, что шоу включало элементы интеллектуального цирка и было не каждому по зубам. Нововведение «Соплей» состояло в том, что увидеть представление можно было только придя в здание цирка. Продюсер, вложивший в шоу много денег и не подозревавший, какую подлянку готовил ему режиссёр-постановщик Ежи Мельх, устроил дикий скандал с метанием ножей и угрозой выброситься из окна. Все были уверены, что Томпсон прогорит. Кому захочется выбираться на свет Божий и терпеть пыхтение соседей, кому понравится смотреть на представление с одного ракурса? Однако неожиданно началась мода на здоровый образ жизни, и ходить по улицам самостоятельно стало признаком принадлежности к высшей касте. Люди отложили свои машинки для передвижения, и мало-помалу увеселительные заведения стало посещать всё больше народа. Мельх по максимуму использовал момент. Понимая, что на два представления в одном городе зрителей не наберётся, он быстро перемещался по всей Европе.

Девушки заняли места в третьем ряду с конца. Венера никогда не видела цирковое шоу, Элен смотрела их только онлайн, и почему-то только Кассандра не смутилась от того, что в помещении было шумно, их окружали люди и от арены периодически пованивало чем-то очень специфическим.

На сцену вышел конференсье в чёрном смокинге, расшитом блестками, зелёных семейных трусах с красными полосками по бокам и жёлтыми турецкими туфлями с загнутыми носами. Зал обрадовался, но промолчал.

– А теперь поаплодируем мне! – ласково взревел Эд Гар. – Я понимаю, вы забыли, как это делается, но я вас научу. Повторяйте за мной...

И он начал проводить мастер-класс по правильному аплодированию. Публике понравился этот давно подзабытый аттракцион.

– Что за чушь он тут творит? – поморщилась Элен. – Если ему так нужен шум в зале, не мог бы включить аудиозапись хлопков? Только ладони заболят.

Поначалу аплодировать было тяжело и непривычно, у зрителей никак не получалось синхронизировать движения. Однако очень скоро они научились хлопать, правда иногда ошибались с поводом. На экране за спиной Эд Гара переводчик объяснял его речь на тот случай, если вдруг в зале затесался малообразованный человек.

Венера периодически порывалась что-то сказать, но осознание того, что окружающие могут слышать их разговор, сковывало её язык. Ей было непривычно от запаха толпы: от соседа слева воняло духами, а впереди сидящий человек поражал россыпью перхоти на плечах. Девушка удивилась, как это его до сих пор не сослали в лагерь для выведения перхоти. Она, конечно, могла бы сдать его властям, но была чересчур чистосердечной, поэтому решила предоставить это дело кому-нибудь другому.

Наконец, началось представление. На сцену вывели рабов, вывезенных из стран четвертого мира, которые не разделяли демократические ценности США. Их было человек пять, и стояли они стройной шеренгой в центре арены.

– А теперь, достопочтенная публика! Только у нас – лучшие пытки во всей Чехии! Как тебя зовут, мой мальчик? – спросил он у юноши, которого надсмотрщик вытолкнул вперед. Это был молодой загорелый парень, чуть мускулистый, с ясными чертами лица и горящими ненавистью глазами.

– Сдохни, – ответил он.

– Итак, приветствуем новую звезду «Соплей» – гражданина Сдохни!

Публика была в восторге, однако отвыкла ясно выражать свои эмоции, поэтому молчала.

– Цирк «Соплей» – самый демократичный цирк на всём континенте! Мы не будем пытаться этого молодого человека сами, а предоставим право выбора вам! Итак: кто за то, чтобы сначала отрубить парню большой правый палец?

С первых рядов доносился лёгкий гул, однако разобрать что-либо не представлялось возможным.

– А кто за то, чтобы отрубить большой левый палец?

Слабые голоса раздались с галёрки.

– Итак, приступаем к голосованию. Голосуем поднятием рук. Голосовать можно только за один палец! Внимание! Кто за то, чтобы отрубить правый палец? Хорошо. А кто за то, чтобы отрубить левый палец? Отлично! Итак, с перевесом в семнадцать голосов побеждает левый палец! Ура, товарищи!

– Остановитесь! Это ужасно! – завопил человек с первого ряда и выбежал на сцену. Это был мужчина небольшого роста, с маленьким милым пузиком, небольшой зальсиной и шикарными усами. Звали его Эдмунд Коль. – Процедура была проведена недемократично! Большинство людей в зале – правши. Таким образом, левые части тела оказываются в заведомо невыигрышном положении! Это возмутительно! Я требую честного и справедливого голосования!

– Ну как всегда, – едва слышно процедил Эд Гар. – Ладно, мы изменим правила игры. Никто не возражает, если мы отрубим ему мужское достоинство? Оно ведь всего одно.

– Это сексизм! – вскричала дамочка с первого ряда, одетая в шикарное красное платье, постоянно теребившая аляповатое ожерелье. – А если бы перед вами была женщина, как бы

вы поступили? Вы должны сделать так, чтобы демократические принципы лежали в основе вашего представления, а не водить публику за нос!

– Отличное замечание, – согласился конференсье. – У меня возникла чудесная идея! Кто за то, достопочтенная публика, чтобы мы медленно выдрали волосы с головы мистера Сдохни?

– Вы ущемляете права лысых! – мощным басом закричал тучный мужчина, сидевший в третьем ряду. – Если бы этот юноша не имел волос, он не смог бы участвовать в цирковом представлении. Правила должны быть едины для всех! У нас же тут демократическая страна, а не какой-нибудь СДША!³

– Даёшь демократию народу! – воскликнул истеричный молодой человек, начав неистово аплодировать. Публика подхватила этот крик и принялась выкрикивать разные лозунги.

Эд Гар с трудом успокоил людей. Представление затягивалось, и он лихорадочно соображал, как найти выход из положения.

– А вы его спросили, чего он хочет? – уточнил пан Коль. – Может, дадим право выбора ему самому? Итак, юноша, с какой части тела вы бы хотели начать?

– Я хочу домой, – протяжно завыл молодой человек.

– Напомню достопочтенной публике, – заметил конференсье, – что по резолюции 1488, принятой Советом СШЕ четыре года назад, народы, не разделяющие демократические ценности, не отдают отчёт в своих действиях и являются недееспособными! Так что вряд ли молодой человек сможет ответить, что для него будет лучше.

– Действительно, загвоздка, – вздохнул борец за справедливость.

– Итак, раз мы не можем прийти к консенсусу, я предлагаю следующее нововведение. Кто за то, чтобы отрубить парню два пальца одновременно?

– Да, пожалуй, так будет честно, – пронёсся шёпот на первых двух рядах.

– Абсолютным большинством – принято!

Чтобы не затягивать представление и не дать зрителю скучать, конференсье объявил антракт уже через полчаса. Конечно, часть зрителей не смогла высидеть так долго и ушла уже через пятнадцать минут, но Эд Гар ни в коем случае не обижался на публику, понимая, какой подвиг совершил каждый из них, придя лично на представление. По окончании антракта обнаружилась новая проблема. Большинство посетителей не помнило, где сидело, да и забыло, что означает третий звонок. Пришлось задействовать членов труппы, и те с трудом согнали людей по местам.

– Вы готовы?! – радостно завещал конференсье. – А теперь будет... Что бы вы думали? Секс!

– Как всё предсказуемо, – зевнула Элен. – Я думала, тут будет новаторская программа...

На арену вывели десять пар, которые тут же начали совокупляться в разных позах. Их интересные места были прикрыты блестящими тряпочками, которые, впрочем, не мешали им заниматься своим делом. Сопровождал всё это действие ритмичный стук барабанов и лёгкий звон перкуссии.

– Да ладно, Венус, чего ты раскисла-то? – пихнула девушку под бок начальница. – Тебе должно нравиться.

– Я думаю, – осуждающее ответила Венера, – что секс – это искусство, это личное и глубоко интимное дело каждого, и поэтому нельзя использовать этот мощный инструмент для потехи толпы. Если бы они вынесли на сцену кровати с прозрачными балдахинами и включили бы более утончённую, скрипичную музыку, то претензий не было бы. А так это безобразие.

– Странная ты, – заметила Элен. – А тебе как, Кассиопея?

³ Союз Демократических Штатов Америки.

Всё представление Кассандра молча сидела на своём месте, опираясь щекой на левую руку и меланхолично разглядывая происходящее.

– Эх, в моё время...

– В какое твоё время, старый нытик? Чай, в одни и те же времена росли! – урезонила её Элен.

– А? Что?

– Что это ты несла только что?

– Я? Разве? Не помню. Задумалась, наверное, – пробормотала Кассандра, беспомощно моргая, словно выброшенная на берег рыба.

Чтобы отвлечься от происходящего, Венера начала оглядываться по сторонам. Наискосок сидела женщина с умопомрачительно жёлтой улыбкой. Девушке стало странно, что ту до сих пор не госпитализировали с такими-то зубами и позволяют выходить в приличное общество.

«Цирк уродов какой-то», – подумала Венера. – «А вдруг это заразно?».

К разочарованию публики, действие быстро завершилось. После пятнадцатиминутного антракта все вернулись на свои места, уже гораздо более уверенно. Эд Гар был воодушевлён. Он решил, что в четвёртом акте он добавит в программу один из самых сложных номеров, который выносил на людской суд далеко не всегда.

– Итак, внимание, действие третье! Те же и цирковые звери!

На арену выбежали четыре льва. На колёсах выехала клетка с невольниками из недемократических стран мира.

– Тотализатор! Аттракцион неслыханной щедрости! Только сегодня вы можете выиграть пять тысяч евро! Правильно спрогнозируйте исход третьего акта и получите деньги! Кого львы растерзают первым? Кто умрёт, а кто выживет в этой схватке? Какие части тела оторвутся, а какие останутся? Делаем ставки, господа! Расчехоливайте ваши экранчики и отправляйте нам свои догадки!

– Это чудовищно! – вскричал с места господин, который в первом акте боролся за правду. – В зале дети младше пяти лет! Вы не думаете об их правах! Справедливо ли, что они не смогут голосовать?

Конферансье некоторое время поколебался.

– Ладно! – объявил он. – Только сегодня, в виде исключения, мы разрешим голосовать детям младше пяти лет!

– Это анархия! – вскричала пухленькая дамочка в маленьком чёрном платье. – Я нашла на вас комиссию по несбалансированному голосованию!

Эд Гар сделал вид, что ничего не расслышал, и инцидент был исчерпан.

Точно предсказать результаты никто не смог, поэтому приз в две тысячи евро получил молодой человек, верно угадавший, как именно львы убьют первую жертву, однако указавший на второго невольника вместо пятого.

Во время антракта скучающая Венера постоянно предлагала пойти домой.

– Да ладно тебе, что ты разнылась! – останавливала её Элен, с опаской приобретая попкорн. Ей смутно казалось, что он был под временным запретом. – Мне нравится. Почти как телевизор, только без ракурсов. О! У меня есть гениальная идея! Нужно предложить цирку, они обогатятся. Пусть к каждому сиденью прицепят экран, а по залу расставят летающие камеры. Тогда каждый зритель может наблюдать шоу как будто по телевизору! Как вам идея?

Когда они уселись на места, Кассандра отчётливо поняла, что её все больше одолевает непонятная ностальгия, что было странно и не совсем приятно. Ей было интересно разобрататься, откуда же взялось это чувство.

– А теперь, дамы и господа, сенсация! Жемчужина нашего цирка – парящий орёл Куло!

Под шквал аплодисментов из-под купола магическим образом вылетел мужчина в серебристом трико и начал спускаться вниз. Достигнув арены, атлет изящно поклонился публике.

– А теперь Куло хочет сделать одно очень важное признание. Дело в том, что в зале присутствует дама его сердца.

В руках у акробата откуда не возьмись появился букет шикарных роз, а в зале заиграла романтическая музыка.

– Кассандра, любовь моя. Совсем недавно я знаю тебя, но мне кажется, будто бы я любить... любил тебя всегда. В моём сердце начали расцветать розы после встречи с тобой, и то, что я держу в руках – лишь жалкое подобие того цветущего сада, в который превращается моя душа при одном взгляде на тебя. Мне всё надо в этой жизни, кроме как видеть тебя каждый день. Пусть это будет издали, пусть ты будешь мимолётно смотреть на меня – но лишь одно это сделает меня счастливым. Я всегда буду любить ты, до последнего вздоха носа...

Он говорил, как китаец, с какими-то скачущими интонациями. Казалось, язык еле поворачивался у него во рту. На середине речи он запнулся на пару секунд, мучительно подбирая слова. Девушки, сидящие в зале, обомлели и в изумлении открыли рты. Мужчины, пришедшие со спутницами, недовольно морщились при каждом слове.

Луч прожектора выхватил из пространства застывшую от шока Кассандру и её подруг. Было видно, что Венера вот-вот расплчется от умиления, а Элен вообще слабо представляет, что происходит.

– Попросим нашу героиню на сцену! – торжественно закричал конферансье.

Кассандра вцепилась в ручки кресла и намертво приросла к сиденью.

– Ну иди, давай же! – подбодрила её Венера. – Ах, как же это романтично...

– Никуда я не пойду, – процедила сквозь зубы девушка.

– Сцены боишься? Да ладно, не трус! Не убудет с тебя, – беспечно заявила начальница и начала отрывать Кассандру от кресла. Сама не зная почему, Элен почувствовала лёгкий укол ревности.

– Да я вообще его в первый раз в жизни вижу!

– Какая разница?! Это так романтично! – добавила Венера. Вместе им удалось отодрать Кассандру от сиденья и вытолкать её в проход под одобрительные возгласы толпы. Деваться было некуда.

Дойдя до сцены, девушка развернулась и думала сбежать, но предприимчивый Эд Гар схватил её за запястье и настойчиво потащил в центр арены. Акробат опустился перед Кассандрой на одно колено, положил букет к её ногам и поцеловал руку. Девушка озиралась по сторонам, как затравленная лисица, окружённая сворой борзых.

– Скромно уношу мою любовь к твоим ногам и надеюсь, что мой дар зародил в твой сердце ростки безумные чувства...

Публика сделала умилённый вздох. Акробат подхватил девушку на руки, и они начали медленно кружиться над ареной, плавно набирая высоту. Играла очень красивая лирическая композиция.

– А теперь, уважаемая публика, заключительный этап нашего представления! Сила притяжения любви в действии!

К этому моменту они поднялись в воздух метра на полтора. Кассандра ничего не говорила, только вцепилась что есть мочи в плечи своего похитителя.

– Коронный номер нашего цирка! Мы показываем его только раз в год! Вы присутствуете при уникальном зрелище!

Конферансье хотел напомнить, как надо хлопать, но публика уже справлялась и без него.

– Для тех, кто не знает, напоминаем принцип действия этого аттракциона! К куполу цирка прикреплено специальное псевдомагнитное устройство, которое медленно поднимает нашего героя вверх. Круг за кругом наши влюблённые поднимаются всё выше и выше! Скоро они будут наверху... Умрут ли они в один день, как истинные Ромео и Джульетта?

– Что-то мне это начинает не нравиться, – заметила Элен.

– Итак, так в чём же секрет этого номера? А секрет в том, что далеко не каждый акробат выживает, увидев зрителей с высоты! Перед началом представления мы крутим барабан магнитного устройства. Положение номер раз – и магнит блокируется, как только циркачи приблизятся к куполу. Наши малыши, как сбитые лётчики, сиганут вниз. Положение номер два – и всё идёт по плану, герои вечера плавно приземлятся на сцену. Шансы – пятьдесят на пятьдесят. Проверьте интуицию! Находятся ли циркачи в интересном положении?

Услышав всё вышеперечисленное, Кассандра вцепилась в акробата всеми конечностями

– Боль! – поморщился тот. – Сторож!

Девушка забилась в истерике.

– Отпусти меня! Сейчас же отпусти! Я буду жаловаться в милицию! Нашлю на тебя военкомат! Тебя лишат всех гражданских прав! Сволочь, гад, отпусти! Управдом тебя съест! Мама, мамочка...

Акробат удивлённо посмотрел на неё, не понимая и половины того, что говорила девушка. Зрительный зал с удовольствием следил, как они постепенно набирали высоту. Венера в ужасе вопила, что надо что-то сделать. Элен впала в лёгкое оцепенение и, так же, как все, не могла отвести глаз от кружащей пары.

– Не страх, – шептал на ухо Кассандре акробат. – Я с ты. Всё хорошо.

Руки его на мгновение ослабли, и девушка чуть-чуть сползла вниз. Осознав, что на ней нет никакой страховки, она перестала бить похитителя и лишь шептала мантру «омманепад-мехум».

– Я ты любить и не пустить, – самодовольно сказал акробат. Вверх он не смотрел (казалось, ему было всё равно), а только отпускал публике воздушные улыбки.

Тем временем начинающие Тарапунька и Штепсель успели преодолеть три четвёртых пространства, отделяющего их от верхней точки купола.

– А теперь начнём подсчёт! – бордо вскричал конферансье. – Увидим ли мы кровавую кашу на сцене или разойдёмся по домам, помирая со скуки? Десять, девять, восемь...

Кассандра обречённо смотрела в потолок. Устройство, поднимающее их наверх, было помещено в чёрную и абсолютно гладкую коробку. Зацепиться было не за что.

– Семь, шесть...

Ей не хотелось думать о прожитых днях. Воспоминания не пронеслись перед ней за одну секунду, как принято считать. Всё казалось сюрреалистичным, словно нездешним. Если бы она могла видеть зал, то заметила бы, как Венера сидит, отвернувшись и закрыв лицо руками, а Элен всё так же не сводит с неё глаз.

– Пять, четыре...

Внезапно Кассандра ощутила мощный прилив сил. Это было какое-то сверхсостояние: ей почудилось, что она видит и осязает всё, что происходит в зале.

– Три, два...

Девушке показалось, что публика считает уже битый час. Ей даже хотелось прикрикнуть на них со злости, чтобы они делали это быстрее.

– Два, два и три четверти, два с половиной, два и одна треть, два и одна четверть, два и одна пятая...

Кася уже не слышала обратного отсчёта. Потолок был совсем близко, однако не приближался ни на йоту, и ей привиделось, что она смотрит какой-то старый дурной фильм.

– Один!

Они остановились как раз под устройством в чёрном ящике. Произошёл лёгкий щелчок, и пару резко встряхнуло. Они замерли под куполом на несколько секунд, а затем стали плавно снижаться вниз. По залу пронёсся вздох облегчения.

– Да ну, скукотища, – заявил борец за справедливость, нетерпеливо размахивая купленным в холле веером. – Не могли уже упасть в честь праздников.

Когда они приземлились на арену, акробат бережно поставил Кассандру на землю, что не помешало её ногам тут же подкоситься, так что девушка в итоге упала. Подлетевший Эд Гар с улыбкой начал расспрашивать, как ей понравилось представление. Из-за кулис выбежали артистки и начали отпаивать её водой.

Минут десять Кассандра сидела на краю манежа, будучи не в силах встать. Подбежавшие коллеги не знали, что говорить в таких случаях, поэтому просто ободряюще касались её и успокаивали, утверждая, что всё, что ни делается – к лучшему.

Наконец Кассандра пришла в себя.

– Я их засужу.

– Нельзя, – с грустной улыбкой заметила Элен. – Даже не думай судиться хоть с чем-то, отдалённо связанным с индустрией развлечений. Вздумай уборщик этого цирка поджечь твой дом – ты ему обязана будешь спасибо сказать, что быстро и недорого избавил тебя от ненужной жилплощади.

– Ага, – мягко кивнула Венера. – По законам выйдет, что если ты не спрыгнула, пока акробат не набрал десять метров, ты этого хотела.

Девушки молчаливо побрели к выходу, смешавшись с толпой, которая уже не обращала на Кассандру никакого внимания. Выйдя на улицу и вдохнув терпкий вечерний воздух, девушка поняла, что со здоровым образом жизни пора заканчивать.

Они уже практически дошли до машины, когда Кася увидела среди выходящих женщину, которая выдавала себя за медиума. Девушка ринулась наперерез гудящей толпе и подлетела к ней, когда та открыла дверцу машины.

– Стойте! – сказала она. – Стойте! Расскажите мне о себе. Это важно, честно...

Женщина опешила и не нашлась, что сказать.

– Скажите, у вас не было такого, что вы чувствовали, будто родились не в этом мире? У вас не проявлялись суперспособности? Не замечали ли вы за собой возможности менять окружающее пространство?

– Н-нет, – неуверенно ответила та.

– Кассандра! – крикнула Элен. – А ну, марш домой!

– А вам никогда не казалось, будто вы давно знали очень особенного человека, которого обязательно должны найти?

Бывший медиум немного успокоилась, приосанилась и спросила:

– Если хотите, мы можем поговорить об этом в более спокойном месте.

К девушкам подошла Элен, резко схватила Кассандру за руку и потащила за собой.

– Домой, я сказала! Такими темпами мы к окончанию совещания не успеем.

Кассандра поначалу дала себя увести, однако через несколько шагов вырвалась и снова подбежала к незнакомке.

– Скажите, вы пельмени любите?

– Не то чтобы... Но вообще люблю поесть.

– А что именно вы любите?

– Ох, с чего бы это начать, – оживилась женщина. – Вкусы мои обширны. Но преимущественно средиземноморскую кухню люблю.

Кассандра разочарованно покачала головой.

– Нет, вы не тот человек, которого я ищу, – вздохнула она и покорно поплелась за Элен.

Глава 18

Сэр Фрэнсис Маккой был одним из самых видных представителей неоклассического течения британской науки. В начале своей карьеры он мечтал создать нечто наподобие вечного двигателя, который позволял бы свиньям бесконечно плодиться. Став профессором Кембриджа, он способствовал исключению из колледжа молодых людей, в которых, часто незаслуженно, видел корыстное отношение к науке. В тридцать семь лет, открыв кампанию по сбору средств для развития независимой науки, сэр Фрэнсис основал собственный центр Фэрбэнкс по изучению общественных отношений, с помощью которого думал изменить мир. Внедрив результаты некоторых спорных разработок в Великобритании, Маккой полярно расколол общественное мнение Европы о себе.

В центре, где проводились исследования, Маккой построил дом для себя и для всего проживающего там персонала. Более двадцати лет он не покидал пределы Фэрбэнкса.

25 марта выдалось ясное, солнечное утро. Сэр Фрэнсис, пополнивший запас внутренней гармонии в оранжерее с редкими экзотическими цветами, спустился в приёмное отделение. Сюда попадал каждый посетитель, желающий пробраться на территорию центра.

– Доброе утро, сэр, – поприветствовал его Билл Коллинз, подающий надежды юноша, который проходил практику в центре, начав с КПП.

– Доброе утро, Билли, – ласково ответил сэр Фрэнсис. Каждое утро он посылал хвалу небесам за то, что может заниматься любимым делом, и очень тепло относился к каждому сотруднику, работающему в Фэрбэнксе. – Что, не приезжал ещё?

– Увы, сэр.

– Вот уж эти европейцы, – презрительно хмыкнул он. – Не могут прийти к девяти, если у них назначено на десять.

– Верно, сэр. Сухопутные крысы, сэр. А хотя, кажется, идёт...

Послышался шум. Кто-то явно не мог открыть тяжёлую дубовую дверь, которой было лет двести. Наконец, сопротивление заржавелого механизма было сломлено, и в холл вошёл весьма занятный мужчина.

– Мистер Маккой? Здравствуйте, сэр. Да, Якоб Кельц – это я. Очень, очень приятно с вами познакомиться, – с энтузиазмом начал молодой человек, с порога узнавший учёного. Он кинулся к нему на встречу и принялся с восторгом пожимать руку.

– Сэр Фрэнсис Маккой, – холодно возразил тот. – Вы позволили себе опоздать на пять минут, молодой человек.

– Прошу благодушно извинить меня. Лондонские туманы плохо влияют на видимость, и пробки...

– Цельный человек всегда найдёт мужество взять на себя всю полноту ответственности, а не станет, подобно плаксивой институтке, искать виноватых, – строго заметил сэр Фрэнсис.

В глазах посетителя промелькнула тщательно сдерживаемая ярость.

– Примите мои искренние извинения ещё раз, достопочтенный сэр Фрэнсис.

– Так-то лучше, молодой человек. Я надеюсь, целебный воздух нашего волшебного острова поможет улучшить ваш моральный облик. Когда-то я тоже, подобно мотыльку, искавшему правду в пламени костра, прибыл в Лондон в поиске идеалов. Но этот город обманул меня. Здесь я не нашёл ничего, кроме иссушающих душу страданий...

Произнося эту патетическую речь, сэр Фрэнсис увлекал гостя за собой, в тесноватую грязно-красную комнату рядом со входом, где они могли бы спокойно поговорить. Указав гостю на стул, учёный сел напротив и начал внимательно рассматривать юношу. Резкий свет только подчёркивал все особенности его лица, которое Маккой находил достаточно интересным. Он даже подумал, не познакомить ли его со своей дочерью Ариадной: таочень хотела

иметь хаски, но страдала от аллергии на собачью шерсть. Единственное, что забавляло его в незнакомце – огромные чёрные усы, явно прилепленные. При разговоре юноша смешно ими шевелил и забавно шепелявил. Сэру Фрэнсису не хотелось подозревать этого человека в желании замаскировать своё лицо для какого-нибудь неблагоприятного поступка, поэтому он решил, что это просто новое течение в европейской моде.

– В первую очередь мне хотелось бы сказать вам, многоуважаемый сэра Фрэнсис...

– Не перебивайте меня, молодой человек, – строго остановил его учёный. – Вы что же, думаете, что если приехали с континента, так можете перебивать старших, когда вам заблагорассудится? Между прочим, вам повезло, что вам вообще разрешили ходить по земле, где когда-то ступала нога Тюдоров. В курсе ли вы, что через месяц в парламенте будет обсуждаться законопроект, при успешном принятии которого Великобритания полностью изолирует себя от всех дел континента? Ни один иностранец больше не осквернит нашу землю, и будет создано лишь одно министерство, которое будет время от времени подглядывать в замочную скважину европейской политики.

– Я ждал этого, – с вызовом ответил незнакомец. – Меня продержали на границе три дня, а ведь я не какой-нибудь русский или француз.

– Три дня! – возмущённо всплеснул руками учёный. – Вам несказанно повезло, молодой человек! Американцы проходят контроль два дня, русские – дней шесть, азиаты и африканцы – от десяти до семнадцати суток. Мерзких французских свиней мы отстреливаем ещё на подступе к границе. Мы были так к вам лояльны, и вы отвечаете такой чёрной неблагодарностью! Подумать только!

– Я в высшей степени счастлив, сэра Фрэнсис. Пройдя границу, я опустился на колени и поцеловал эту святую землю, вершившую судьбы мира. Горечь обволакивает моё сердце, как только я подумаю, какой потерей для всех просвещённых европейцев обернётся закрытие границ...

Самоуничительный тон и кроткий взгляд парня пришёлся сэру Фрэнсису по душе.

– Так-то, – удовлетворённо ответил он. – Учитесь ценить неоценимое, молодой человек! А то вы думаете, что раз ваши предки ели круассаны на завтрак и умывались, не воткнув пробку в раковину, то вы можете сложить с себя долг морального самосовершенствования?

– Ни в коем случае, уважаемый сэра Фрэнсис, – смиренно возразил человек, представившийся Якобом Кельцем. – Тем более мать моя, хоть и жила в Бельгии, каждый раз втыкала пробку, отдавая дань традициям своих предков.

Сердце главы центра смягчилось.

– Ваша мать была Человеком с большой буквы.

– И это гордое звание передала по наследству.

– Молчите! Знаю я вас. Глаза горят энтузиазмом вдохновения истиной, а сами так и думаете, как бы подцепить девчонку на ночь.

– Погоня за юбками вовсе не входит в спектр моих приоритетов, – с горечью ответил молодой человек.

– Ага! Попался! Журналюга поганый! Вон из моего центра! Как тебя в Британию пустили! А ещё усы приклеил, думал отвертеться! Какой внушающий доверие молодой человек, надо же! Выметайтесь вон!

За считанные секунды в глазах учёного разгорелся дикий маниакальный огонь. Вскочив с места, сэра Фрэнсис вне себя от ярости схватил юношу за шиворот и начал выпихивать его из комнаты. Голос его дребезжал, а руки нервно тряслись. Предполагаемый Якоб Кельц из всех сил упёрся в стены, так что вытолкнуть его из помещения представлялось невозможным.

– Да как вы посмели назвать меня журналюгой!

– А что это у нас глазки-то так горят? За юбками не бегаешь – сам сказал. Так с чего бы такое оживление? Думаешь, что обвел старика Маккоя вокруг пальца, да? Думаешь, я не разга-

дал твои штучки, да? Ха-ха! Да ты в уме уже накалябал какую-нибудь поганую статейку, чтобы продать её за жалкие гроши в «Ле Мон»! Получай свои тридцать сребреников как угодно, но только не через опозоривание честного имени Фэрбэнкса, ты, моральная проститутка!

И тут на молодого человека снизошла светлая идея.

– Отпустите меня! Вы не имеете права! Вы повредите мои пальцы! Я подам на вас жалобу в Европейский суд по защите целостности человеческого тела! Мой муж нашлёт проклятие на весь ваш род...

– Муж? – более мягким голосом спросил Маккой. – У вас есть муж?

– Разумеется, – возмущённо вздёрнув подбородок и отряхивая невидимую пыль на пальто, ответил Кельц. – Я мог бы проводить медовый месяц в Амстердаме с моим дорогим Карлом, а не тратить своё время на беседы с вами.

– Вот как, – пробормотал сэр Фрэнсис, усаживаясь обратно на стул. – Значит, так блестят глаза молодого влюблённого... Простите меня, голубчик, Бриана ради. Извините, извините! Но вы просто не представляете, как мы тут пострадали!.. Когда наш центр только открывался, я с радостью делился новостями с каждым желающим. Но, мистер Кельц, вы не знаете человеческую натуру! Люди только и ждут, пока вы покажете им слабое место, чтобы впиться вам в горло! Если бы я мог предугадать, какой поток негатива изольётся, я бы не стал открывать Фэрбэнкс, честное слово! Я бы тихо работал где-нибудь в своей домашней лаборатории в Суссексе, понемногу принося пользу обществу!

– Увы, каждый сильный человек проходит испытания медными трубами, – поддакнул ему посетитель.

– Они уже думают, что раз стали четвёртой властью, так могут творить, что хотят! Нет, гораздо лучше было раньше, когда журналисты зависели от крупного капитала и настроений публики!.. Теперь же что? Развелось идиотов, которые пишут, что хотят, а люди такие доверчивые! Один, видите ли, решил, что после внедрения результатов моих исследований британское общество станет в 3,27 раза более ненормальным, что практически невозможно. Второй доказывает, что я ставленник инопланетян, и опыты мои направлены на подчинение человечества. Живи мы в каком-нибудь XX веке, я нанял бы журналиста, который написал бы хорошую, обеляющую статью на заказ... Но нет! Я не хочу сидеть в тюрьме пять лет...

Юноша слушал сэра Фрэнсиса не перебивая, так как чувствовал, что тому надо дать выговориться. Наконец, учёный успокоился и взял со стола папку с документами.

– Здесь у меня досье на вас, молодой человек... Я надеюсь, вы не донесёте на меня за то, что я пользуюсь печатной продукцией? Я разделяю любовь нашего и вашего парламентов к зелёным лёгким планеты, но радость от того, что я держу в руках печатные листы сильнее меня...

– Будем считать, что это досье попало к вам в руки до принятия закона о недопустимости вырубки лесов для изготовления бумаги, – мягко улыбнулся посетитель.

– Итак, что у нас тут? Якоб Кельц, тридцать два года... Родился в Антверпене... Вы не привезли сюда ничего предосудительного, молодой человек? Ибо мне не надо, у меня всё есть. В двадцать семь лет поступил в управление стандартизации методов контроля... В целом, ваш жизненный путь мне нравится.

– Но?... – подхватил молодой человек.

– Но ваша родословная! Как вас вообще взяли пусть в самый захудалый государственный орган с такой-то роднёй!

– А что не так с моей роднёй? – деланно оскорбился молодой человек.

– Ну как же! Ваша бабушка работала копирайтером... Это, пожалуй, можно простить ей. Она женщина, а значит, меньше подвержена разрушающему влиянию человеческих идеалов. Быть может, она была бедна, быть может, ей приходилось кормить голодного кота – кто знает?

– Она очень, очень раскаивалась в содеянном.

– То-то же. Я надеюсь, вы с молоком матери впитали этот нравственный урок.

С минуту учёный внимательно изучал мистера Кельца, стараясь увидеть на его лице отпечатки тяжёлых моральных терзаний. Вполне удовлетворённый результатом, он разрешил юноше приступить к делу.

– Я, как вам, надеюсь, успели сообщить, представляю крупного европейского мецената, пожелавшего остаться неназванным. Последняя его причуда – тратить деньги на науку. Один его давний товарищ посоветовал вложить деньги именно в ваше предприятие, однако вы сами понимаете... Слухи, которые витают вокруг вас, не внушают никакого доверия. Мне поручено разобраться, есть ли в Фэрбэнксе проекты, заслуживающие пяти миллионов евро.

– Что и следовало доказать! – всплеснул руками Фрэнсис и схватился за сердце. – А вы ещё удивляетесь, почему я так обошёлся с вами, заподозрив в журнализме!

– Мы верим вам, сэр Фрэнсис, верим. Иначе я не сидел бы здесь.

– Что же, – рассудительно покачал головой учёный, закинув ногу за ногу. – Ради такого случая я даже готов провести вам мини-экскурсию по Фэрбэнксу. Наука ненасытнее самой обворожительной женщины, а моя так и требует подношений, словно каждый день у нас – рождественский. Только клянитесь – клянитесь! – мне сохранностью австралийских кенгуру, что вы не посмеете написать ничего плохого про мой центр. Данные ваши в порядке, но если вдруг вы всё-таки журналист – я не буду желать вам адских мук. Ваше существование и так окрашено всеми цветами преисподней, с таким-то моральным обликом.

– Клянусь, – трепетно ответил мистер Кельц, прижав руку к груди.

– Нет.

– Что нет?

– Вы недостаточно чувствуете момент. Я собираюсь показать вам святая святых Британских островов, а вы даже не понимаете, что предстанет вашему взору. Верните мне мой бисер и отчаливайте в свою захудалую Европу.

Гость чуть заметно стиснул кулаки.

– Я всё понимаю, достопочтенный сэр Фрэнсис, – патетически заявил Якоб, в левом глазу которого настойчиво блеснула слеза. – Просто я настолько ошарашен предстоящей мне честью, что не могу подобрать нужных слов.

– Пойдёмте, – сказал оттаявший служитель науки. – Я покажу вам одно очень интересное исследование, начатое по инициативе мистера Джеймса Скотта, моего заместителя и хорошего друга.

Проделав длительный путь, они вышли к просторному помещению, которое находилось в самом центре Фэрбэнкса и к которому, словно к сердцу, стекались многочисленные артерии коридоров. Его опоясывали четыре этажа, и так как сэр Фрэнсис привёл своего посетителя на второй этаж, тот мог детально рассмотреть всё, что происходило внизу. Казалось, что здесь было воссоздано всё, что необходимо для райской жизни. Значительную часть первого этажа занимал бассейн с искусственными волнами, настолько похожий на настоящий океан, что Якоб сначала не поверил, что находится в центре скалистых британских островов. Водоём окаймлял пляж из белоснежного песка, где было множество качелей, впрочем, совершенно пустых. Там были и площадки для игры в волейбол, и столы для настольного тенниса, совершенно одичавшие. Вслед за линией пляжа начинали цвести растения. Тут в изобилии были собраны представители мировой флоры.

– Знаю, знаю, растения здесь лишние, – сразу начал оправдываться сэр Фрэнсис. – Но, знаете ли, это моя слабость. Когда я вижу прелестный цветок, то испытываю чувство, близкое к восторгу Казановы, познакомившегося с соблазнительной красавицей. Руки покупают его без моего согласия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.